

Мария Ту
Я
ВЕРЮ
в любовь

Любовь
не поддается
логике

Книга вошла в рейтинг лучших молодежных романов 2017 года
по версии Kirkus Review, Publishers Weekly и портала Seventeen.com

Морин Гу

Я верю в любовь

Серия «Вместе и навсегда»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39284300
Морин Гу. Я верю в любовь: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-109410-2

Аннотация

Дези Ли верит, что в жизни возможно все, если придерживаться четкого плана. Именно так она стала президентом школьного совета, звездой футбольной команды и лучшей ученицей в школе, рассчитывающей на поступление в Стэнфорд. Вот только у Дези никогда не было парня. В любви она самая настоящая неудачница, и даже друзья смеются над ее провалами.

Поэтому, когда девушка встречает самого горячего парня на земле, у нее уже есть план по его завоеванию. И неважно, что этот план она подсмотрела в корейских сериалах, которые так любит ее отец, ведь главное в них – герои остаются вместе навсегда.

С рвением отличницы Дези принимается воплощать задуманное. Правда, девушка пока не подозревает: когда на смену прописанному сценарию приходит настоящая любовь, законы логики перестают работать и все встает с ног на голову.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	54
Шаг 6	64
Шаг 7	85
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Морин Гу

Я верю в любовь

Maurene Goo

I BELIEVE IN A THING CALLED LOVE

Печатается с разрешения издательства Farrar, Straus and Giroux Books for Young Readers, an imprint of Macmillan Publishing Group, LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Copyright © 2017 by Maurene Goo

© А. Авербух, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

МОРИН ГУ – популярная молодежная писательница – выросла в пригороде Лос-Анджелеса, в окружении стеллажей с книгами. Возможно, именно поэтому Морин решила заняться сочинительством. Но сперва окончила факультет коммуникаций университета Сан-Диего, чтобы позже получить степень магистра литературы и издательского дела. Прежде чем опубликовать свою первую книгу, она успела поработать в разных издательствах, поэтому точно знает, как удовлетворить самых взыскательных читателей. Романы Морин Гу придутся по вкусу всем любителям прозы Морган

Мэтсон и Дженни Хан.

Для всех поклонников корейских телесериалов

Пролог

В семь лет мне казалось, что я могу двигать карандаш усилием мысли.

Я слышала о человеке, который научился видеть сквозь непрозрачные предметы и использовал это, чтобы жульничать в карточных играх. Полностью сконцентрировавшись, он мог делать штуки, которые не под силу обычным людям: парить в воздухе, ходить по углям и передвигать предметы. Всему этому он научился сам и начал с того, что часами смотрел на объект, который хотел сдвинуть с места.

И вот однажды под вечер я убралась у себя на письменном столе и положила на середину розовый механический карандаш, украшенный фигурками кроликов.

Солнце начало садиться. Я закрыла окна шторами, затем захлопнула дверь в коридор, отчего комната погрузилась во мрак, села за стол и стала смотреть на карандаш, мысленно приказывая ему сдвинуться.

Смотрела я долго. Казалось, прошло несколько часов. Когда в дверь постучал папа, я, не отводя глаз от карандаша, закричала: «Прошу не беспокоить!». Папа поворчал за дверью, но в конце концов ушел.

Перед ужином он снова постучал и напомнил, что мне надо поесть.

– Сделай перерыв, дорогая!

Во рту пересохло, есть действительно очень хотелось, но я, не сводя глаз с фигурок кроликов, попросила папу оставить еду возле моей двери. Вместо этого он заглянул в спальню.

– Дези!

– Аппа¹, я занята очень важным делом, – прервала я его.

Нормальный отец, наверно, потребовал бы объяснений от семилетней дочери и проявил бы хоть какой-нибудь интерес к тому, зачем она закрылась в спальне и часами смотрит на канцелярский предмет.

Но это был *мой* папа. И так случилось, что его дочерью оказалась я. Поэтому он просто пожал плечами и пошел собирать мне на поднос ужин: рыбу, рис и суп из дайкона с говядиной. Затем вошел и осторожно поставил поднос на стол, стараясь не задеть карандаш.

Я почувствовала запах еды и едва не потеряла сознание, но не позволила себе оторвать взгляд от своего объекта.

– О, аппа...

Не говоря ни слова, папа взял ложкой рис, ею же зачерпнул суп и поднес к моему рту. Я быстро проглотила порцию. Затем он взял кусок рыбы палочками для еды и снова дал мне. Я съела и рыбу. Тогда он поднес к моим губам стакан воды, и я с благодарностью ее выпила.

Наконец, когда с ужином было покончено, папа потрепал меня по плечу и, взяв поднос, направился к двери. Уже за-

¹ «Папа» по-корейски.

крывая ее за собой, он сказал:

– Не засиживайся допоздна.

Подкрепившись, я почувствовала, что мой мозг силен как никогда, и продолжила смотреть на карандаш.

И что же случилось? Клянусь своей жизнью до этого самого дня, что случилось именно то, чего я хотела: карандаш сдвинулся! Движение было едва уловимым – наверное, никто, кроме меня, его не заметил бы, – но в ту секунду, когда розовый карандаш слегка сместился ко мне и замер, я закричала. Потом выскочила из-за стола и, не в силах поверить своим глазам, потянула себя за волосы, затем начала бегать кругами и пританцовывать, после чего плюхнулась лицом в подушку и уснула. Трюк с перемещением я пыталась проделать и с другими предметами: с ластиком, от которого пахло клубникой, с украшением в форме балерины, которое втыкается в торт, с кедровым орехом. Но ничего не выходило. Несмотря на это, я еще несколько лет считала, что могу двигать предметы силой мысли. Втайне я знала, что существую в своем маленьком мире, где случается волшебство. Причем случается оно не с обычными людьми, а только с избранными.

Со временем эта детская вера в возможности моего могучего мозга начала угасать. Я не потеряла ее разом, столкнувшись с суровой реальностью жизни, где нет места чудесам, как это обычно бывает. Я просто переросла ее.

Но не утратила веры в то, что определенных целей можно

достичь только упорством и терпением. Если у вас есть оба этих качества, то нет ничего такого, с чем бы вы не справились.

Для семилетнего ребенка, недавно потерявшего мать, эта вера оказалась безумно мощным стимулом в жизни. Я смутно помню те времена, но в них всегда фигурирует отец. Точнее, его тень – силуэт человека, который укладывал меня спать, готовил ужин и, когда думал, что я его не вижу, часами сидел в кресле в темноте. Тот, кто в три часа ночи поливал мамину герань и ставил мамин будильник на шесть утра, хотя ему можно было спать до семи. Тот, кто каждое утро подолгу смотрел на пустую миску, ожидая, что в ней появится фирменное мамино блюдо – кукурузные хлопья с молоком. Мама всегда наполняла эту миску в одно и то же время.

Затем я случайно подслушала на кухне, как моя тетя говорит дяде:

– Время залечит все раны.

И тогда я решила ускорить процесс.

Я разломала мамин будильник и, едва сдерживая слезы, показала его папе в разобранном виде. Потребовалось несколько недель, чтобы купить новый, но этот будильник папа ставил уже на семь часов. Каждое утро я следила за тем, чтобы хлопья были готовы до того, как папа сядет за стол: это не позволяло ему смотреть на пустую миску. А пока он ел, я поливала герань.

Тогда отец снова стал прежним. Он положил мамино об-

ручальное кольцо на фарфоровое блюдечко, любовно стер пыль со всех ее фотографий в доме, и мы наконец сдвинулись с мертвой точки. Круги под его глазами стали менее заметными, а герань разрослась и полезла на дверь гаража.

Время, время... Дези Ли вылечит все раны.

Чтобы действовать, обязательно нужен план. Так я убедила отца позволить мне разводить на заднем дворе гусей, так же спасла от закрытия недофинансированную библиотеку нашей средней школы, поборолa страх высоты – обвязала лодыжки эластичным тросом и прыгнула в свой шестнадцатый день рождения с моста (и лишь чуть-чуть обмочилась); так я год за годом становилась первой в своем классе. Я верила и до сих пор верю, что можно построить свою мечту по кирпичикам и достичь чего угодно благодаря упорству.

Даже влюбиться.

Глава 1

Если представить жизнь как серию ностальгических фотографий, в ней окажется пропущено много скучного. Между размытыми снимками с задуванием свечей на торте по случаю дня рождения и первыми поцелуями будут картинки с сидением на диване перед включенным телевизором, приготовлением уроков и попытками создать идеальную волну с помощью пленки.

Или – в моем случае – с наблюдениями за очередным школьным мероприятием вроде осеннего карнавала. Добавьте к этому нудному зрелищу немного реальной рвоты.

Энди Мейсона рвало в мусорный бак, а я осторожно хлопала его по спине. Это определенно была одна из тех пикантных сцен, которые не войдут в окончательную версию фильма о моей жизни.

Капитан команды по теннису шести футов четырех дюймов ростом выпрямился.

– Все хорошо? – спросила я.

Он осторожно утер рот и застенчиво кивнул.

– Спасибо, Дез.

– Да не за что, но, может быть, не стоит ходить на мозгоплавильную викторину по три раза подряд?

Этим ноябрьским субботним вечером в учебном комплексе Монте-Виста, который раскинулся у моря на отвес-

ном склоне округа Ориндж и был выстроен по последнему слову архитектурного искусства, осенний карнавал был в самом разгаре.

Энди нетвердой походкой направился прочь, пройдя мимо моей лучшей подруги, Фионы Мендозы. Та посторонилась и наморщила нос.

– Наблевал? – уточнила она.

На Фионе были мешковатые тренировочные штаны, накрахмаленная мужская сорочка, туристические сандалии и шарф с узором из молний. Ее сильно подведенные, янтарного цвета глаза смотрели на меня, медленно моргая. Она бы выглядела как принцесса-мексиканка из мультфильма Диснея, если бы не оделась как бродяга и не накрасилась дешевой косметикой.

– Вот всегда у крупных парней такой нежный желудок, – вздохнула я.

– Повезло тебе, – подмигнула Фиона.

Я фыркнула.

– Да ты *обожаешь* больших мальчиков, – продолжила Фиона, которая предпочитала крошечных девочек.

Еще раз фыркнув, я зашлась кашлем, от которого сложилась вдвое, а когда распрямилась, обнаружила, что подруга держит термос.

– Твой отец просил тебе передать, – сказала она.

К крышке скотчем были примотаны две таблетки от простуды и гриппа. Увидев приклеенный здесь же стикер, я

улыбнулась. Корявым почерком отца на нем было выведено: «Ешь побольше, даже если чувствуешь себя дерьмово!». Повсюду виднелись черные пятна от пальцев – «подпись» автомеханика.

Я открыла термос, запахло соленым супом из морских водорослей.

– М-м, спасибо, Фиона.

Мы подошли к скамье и сели.

– На здоровье, но объясни, какого черта ты здесь делаешь? Разве у тебя не *антракоз*²? – воскликнула она.

– Эй, может, потому что я отвечаю за это мероприятие? И вообще, это не антракоз, а обычная пневмония. Которой у меня, кстати, тоже нет.

– Ты отвечаешь *за все*! Не хочу тебя обидеть, Дези, но это всего лишь школьный карнавал, – Фиона разлеглась поперек скамьи. – Неужели какая-нибудь мелкая сошка из руководства школы не могла бы взять это на себя?

– Кто, например? Джордан? – Джордан был моим вице-президентом, но за него проголосовали только из-за прически. – Он показался бы здесь только завтра. Ни в коем случае. Я не для того потратила на планирование несколько недель, чтобы какая-нибудь скотина могла погубить репутацию карнавала Монте-Висты!

Фиона с ухмылкой посмотрела на меня, как бы позволяя этому странному заявлению остаться в нашем разговоре. Ре-

² Заболевание легких, обусловленное длительным вдыханием угольной пыли.

шив, что я достаточно наказана ее презрительным взглядом, подруга продолжила.

– Дез, тебе надо остыть. Мы в старшем классе, успокойся уже. – Поза Фионы говорила о полной расслабленности: она сидела на скамье, скрестив ноги, опершись рукой на подлокотник и положив на нее подбородок.

Прежде чем ответить, я отхлебнула супа.

– Интересно, меня уже приняли в Стэнфорд?

Фиона выпрямилась, выпучила глаза и указала на меня длинным ногтем, покрытым блестящим лаком.

– Нет. Нет! После того как ты подала туда заявление, я больше не желаю слышать об этом ни слова до конца года. – Она выдержала паузу. – Даже нет, до конца жизни.

– Да, плохо дело. – Я забросила таблетки в рот и запила водой.

Фиона снова уставилась на меня, и от ее взгляда мне сделалось немного страшно.

– Дез, тебя точно примут. Если такую зануду – Мать Терезу, Мисс Америка подросткового возраста – не возьмут, то кого же тогда примут?!

Я снова закашлялась, отхаркивая мокроту с таким звуком, будто приближался конец дней моих. Фиона тут же отодвинулась.

Прежде чем заговорить, я похлопала себя по груди.

– Знаешь ли ты, у скольких человек такая же анкета, как у меня? Средний балл – 4,25, председатель правления уча-

щихся, член школьной спортивной команды, отличный результат отборочного теста, миллиард часов, добровольно отработанных на благо общества...

Услышав эту знакомую песню, Фиона спросила почти скупающим голосом:

– Так разве не *поэтому* ты записалась на собеседование? – Мимо нас проходила группа девушек, и Фиона проводила их глазами. Будучи моей лучшей подругой со второго класса, она выучила наизусть балладу о стэнфордской мечте Де-зи Ли, как только я начала распевать ее в десятилетнем возрасте.

– Да, но собеседование в феврале, через месяц после подачи заявления. Я нервничаю, потому что срок ранней подачи³ уже прошел, – пробормотала я.

– Дез, мы уже миллион раз об этом говорили. Ты решила не отдавать заявление раньше, потому что шансы будут выше и все такое.

Я зачерпнула суп.

– Да, знаю.

– Так что не парься, договорились? – Фиона похлопала меня по руке.

Когда с супом было покончено, Фиона ушла искать нашего друга, Уэса Мэнсора. Я снова вернулась на карнавал, что-

³ Есть два варианта подачи документов в колледжи и университеты США: ранний и регулярный. В первом случае заявление подается к 1 ноября в старшем классе школы, во втором – к 1 января.

бы убедиться, что ребята из школьной бейсбольной команды не раздают симпатичным девочкам лучшие призы, а народ не толкается, стоя в бесконечной очереди за мягким мороженым. Направляясь к туалету, я столкнулась с мальчиками из младших классов: они были в безупречно выглаженных стильных футболках, так что я едва их узнала.

– Привет, босс. Как дела? – спросил меня один из них, чьи искрящиеся глаза были полны очарования. Такого типа парни рождаются со способностью влюбить в себя кого угодно. Почувствовав на себе их взгляды, я покраснела.

– М-м, неплохо. Желаю хорошо повеселиться! – Я неловко махнула им руками с растопыренными пальцами и ушла. Бога ради. *Желаю повеселиться!* Да кто я им, мамочка?! Я мысленно ругала себя, как вдруг кто-то схватил меня сзади за плечи.

– Что происходит, босс? – насмешливо произнес он в нескольких дюймах от моего уха. Уэс. Густые черные волосы, зачесанные назад и идеально зафиксированные лаком (прическа в стиле «помпадур»), безупречно гладкая коричневая кожа, сонные глаза, обрамленные густыми ресницами. Девушки любили его. Да, красавец друг и красотка подруга постоянно напоминали мне о моей непривлекательности.

Я развернулась и шлепнула Уэса. Он схватил мою руку и нахмурился.

– Словами не могла обойтись?

За ним стояла Фиона с огромным пластиковым пакетом,

полным розовой сахарной ваты. Я сердито посмотрела на обоих, но, прежде чем успела ответить, начался новый приступ кашля.

– О Дез, – сморщился Уэс, прикрывая нос воротом футболки. – У меня ответственная игра на следующей неделе. Если заболею, я тебя убью. – Как и я, он – ужасный зануда. Его любимый вид спорта – баскетбол, любимый предмет – физика, а любимые увлечения – комиксы и настольная игра «Катанские поселенцы». В Сети он удерживал в ней первенство целых три месяца, пока его не обыграла восьмилетняя девочка из Бразилии.

– Знаешь, чужие микробы могут быть полезны, – парировала я и снова энергично прокашлялась. Уэс и Фиона состроили гримасы.

– Ну хватит, доктор Дези, – проворчал Уэс.

– О, я только начала. Может быть, прочесть вам лекцию о будущем фекальных трансплантатов?

Уэс театрально закрыл глаза.

– Давай хотя бы одну неделю обойдемся без рассуждений о достоинствах кишечных бактерий.

Я пожала плечами.

– Отлично. Но когда стану доктором и буду лечить с их помощью сезонные аллергические заболевания, вы, ребята, будете меня благодарить.

– Боже! – Фиона выкинула остаток сахарной ваты в мусорный бак.

Я ждала очередной порции жалоб, но друзья почему-то замолчали. Их взгляд был прикован к чему-то за моей спиной. Я повернулась, и перед глазами оказалась широкая мужская грудь.

– Что такое фекальные трансплантаты? – произнес низкий голос.

Я посмотрела вверх. О господи!

Макс Перальта. Рост – шесть футов два дюйма, сексуальный, красивый и... учится в девятом классе.

Сзади слышалось хихиканье. Когда Фиона и Уэс узнали, что парень, в которого я втюрилась в первую же неделю в школе, оказался девятиклассником, это был «лучший» день за всю историю. В кавычках, конечно.

– О, да ничего особенного. Привет! – произнесла я таким голосом, который едва ли воспринимал человеческий слух. *Дези, если не владеешь собой, просто молчи.*

Макс улыбнулся, и на его загорелом лице сверкнули белые зубы. Как, скажите, с такой внешностью он мог быть девятиклассником?

– Привет, Дези, карнавал организовала отлично.

Я сильно покраснела.

– Спасибо, Макс. – *Ну вот, он тебя похвалил. Теперь оставайся невозмутимой, расслабь плечи, и никакого энтузиазма.*

Он посмотрел себе под ноги, потом склонил голову набок и снова улыбнулся. *Чертовски милый!*

– Я тут подумал... Ты после этого занята? – спросил Перальта.

У меня перехватило дыхание. Я прокашлялась. *Нельзя говорить писклявым голосом.*

– После... карнавала?

– Да, может, тебе придется, ну, убираться или еще что-нибудь?

Чувствуя на себе взгляды друзей, я покраснела еще больше.

– Нет, никакой уборки. Я свободна... вроде. – *Погодите, я что, флиртую? Он, конечно, привлекательный, без сомнений... но все же младше меня.*

По-видимому, Макс читал мои мысли. Не спуская с меня глаз, он протянул:

– Понимаю, ты, наверное, не пойдешь на свидание с парнем младше тебя...

Неужели он сказал «свидание»? И все же он был прав. Он – в девятом. Я – выпускница. Нужно было отказать как можно мягче. Но, вместо того чтобы сказать что-то доброжелательное, приложив руку к груди, я почувствовала приближение приступа кашля и крепко сжала губы. Нет, только не сейчас!

Увы, некоторые вещи просто не перебороть.

И я закашлялась, очень сильно.

А эта мокрота, которая хрипела у меня в груди весь день, – ее сгусток вылетел изо рта и угодил прямо на его накрахма-

ленную полосатую рубашку.

Глава 2

Сказать, что захотелось покончить с собой, – ничего не сказать.

Меня охватила знакомая слабость, и, глядя на каплю мокроты на полосатой рубашке, я закрыла ладонями рот. Эти голубые и красные полосы навеки запечатлеются в моей памяти. Голубые – широкие, красные – узкие. *Красивая была вещица на самом деле.*

– О, это?.. – Я слышала Макса, но не могла заставить себя взглянуть ему в лицо. Он оттянул рубашку и с отвращением фыркнул.

Наконец я сумела вымолвить слабым голосом:

– Прости, я нездорова.

– Да... ничего. Ничего, я просто сейчас... – С этими словами он бросился прочь и затерялся в толпе.

Я накинула капюшон куртки на голову, повернулась к Фине и разрыдалась, уткнувшись ей в плечо.

Она неуклюже погладила меня по голове.

– Да, это был грандиозный «фливал», даже для тебя. Просто нет слов, – подытожила подруга. Уэс продолжал смеяться так, что на его глазах выступили слезы и он не мог ничего произнести.

Фливал. Уэс придумал удачное название для моего провала во время флирта. Понимаете? «Флирт» плюс «провал» –

фливал. Это слово родилось в наш первый год учебы в старшей школе, когда милый и застенчивый Гарри Чен, которого я целый год подтягивала по английскому, поскольку была в него влюблена, признался, что любит нашего учителя. Учителя-мужчину.

Но фливалы преследовали меня и задолго до этого случая. Всякий раз, как я разговаривала с парнем и у него появлялся хотя бы намек на интерес ко мне, *все всегда шло наперекосяк* и заканчивалось провалом. Во всем остальном я была уверенной в себе девушкой, нацеленной на поступление в Стэнфорд.

До чего банально: все отлично, кроме личной жизни. Какая досада.

– Спасибо. – Затуманенными от слез глазами я посмотрела на Фиону. – Фиона – мой близкий старый друг. Друг-подруга. Подругодруг.

Она мрачно покачала головой. Но если человеку необходимы утешение и нежные объятия, то ему не к Фионе Мендозе. Она, скорее, из тех, кто безжалостно выложит всю правду, чтобы вернуть вас к реальности.

Теперь она пожала плечами.

– По крайней мере, он всего лишь младшеклассник. – Слово «младшеклассник» заставило меня завывать с новой силой. Узнав, что Макс в девятом классе, я поняла, что моя влюбленность обречена на смерть, но все равно не переставала им восхищаться. А теперь он едва не пригласил меня

на свидание!

Мои лучшие друзья, несмотря на все попытки, никак не могли понять, почему отношения с парнями были для меня чем-то из разряда фантастики. Когда эти двое явились из утробы матерей, их уже поджидали толпы поклонников и поклонниц.

Уэс достал телефон и сфотографировал меня.

– Дай сюда! – завизжала я, выхватила телефон у него из рук и быстро удалила снимок.

Он разочарованно взвыл.

– Да ладно тебе, я просто хотел добавить его к важным моментам из жизни Дези Фливал.

– Жить надоело? – Я ежедневно угрожала Уэсу расправой.

Да, мои фливалы стали так предсказуемы и неизбежны, что я даже пошутила на их счет в своем сочинении, которое вместе с другими документами подала в Стэнфорд. Ну, знаете, у каждого есть недостатки, и в этом тоже нужно находить позитивные моменты. Я надеялась, что смесь моего унижения и смирения вызовет сочувствие и проложит мне дорогу в Стэнфорд. Либо это, либо высокий аттестационный балл.

В большинстве случаев я относилась к своим фливалам легко и с юмором. У меня было столько важных дел, что на парней, наверное, просто не хватило бы времени.

К тому же меня пугала сама мысль, что другой человек будет с ничтожно маленького расстояния рассматривать поры на моем лице.

На следующей неделе мы играли в футбол с Академией Истриджа.

Я люблю футбол: в нем как бы сочетаются бег на стометровку и стратегия, как в шахматах. В удачные дни я, казалось, могла заглянуть в будущее: каждый пас – часть общего замысла, приводящего к голу.

И сегодня был один из таких дней.

Прошло уже немало добавленного времени, а счет оставался 1:1. *Сейчас или никогда, Дез.* Мы на доли секунды встретились взглядами с девочкой из нашей команды, Лией Хил, и она передала мне мяч. Я подпрыгнула над блестящими косами защитниц Истриджа, словно сделанных под копирку, и послала мяч в угол сетки ворот. Раздался свисток, и мы побежали праздновать нашу победу, а игроки Истриджа – в слезах обвинять друг друга в ошибке.

Шлепнув по ладоням поднятых рук, я попрощалась с игроками своей команды и направилась к автостоянке.

– Хорошенько отдохни, Ли! – крикнул тренер Сингх, когда я подходила к машине отца. Я вяло махнула рукой в его сторону: меня по-прежнему одолевала эта дурацкая простуда, и теперь, когда возбуждение от игры стало проходить, я чувствовала себя совсем обессиленной.

Меня ждал неуклюжий голубой «шедевр» американской автомобильной промышленности. И хотя мой отец – механик и способен довести до ума любую машину, ездит он на

нисколько не привлекательном «бьюике лесабре» 1980 года размером с целый дом. Эксцентричность отца росла с каждым годом.

И да, папа забирал меня из школы. В прошлом году я разбила подаренный им на день рождения отремонтированный темно-зеленый «сааб» с откидным верхом, на котором поездила минут двадцать: в десяти футах от нашего дома врезалась в фонарный столб. Перед машиной на дорогу выскочил кролик, и, вместо того чтобы затормозить, я круто свернула, чтобы его объехать.

После этого случая отец понял, что до собственного автомобиля я еще не доросла, но иногда разрешал ездить на своем несокрушимом корабле на короткие дистанции. А я никогда не просила чем-нибудь заменить «сааб», потому что главным правилом в моей жизни было не беспокоить отца.

Я подошла к машине и открыла дверь. Он сидел на водительском кресле и читал газету.

– Ну наконец! – Папа широко улыбнулся, сложил газету и бросил ее на приборную панель. От улыбки его широкое круглое лицо засветилось, а в уголках глаз на загорелой коже появились морщинки. Он по-прежнему носил копну густых черных волос (пожалуй, главная его гордость) и каждое утро тщательно расчесывал и взбивал ее только для того, чтобы потом натянуть на себя заляпанную маслом рубашку и шорты с накладными карманами.

– Привет, аппа! – Я бросила рюкзак и спортивную фор-

му на заднее сиденье и со вздохом облегчения опустилась на кресло рядом с водительским. Все тело болело. Тотчас же я почувствовала шершавую ладонь отца у себя на лбу и услышала неодобрительное цоканье.

– О, девочка моя, да у тебя температура! – Это «девочка моя» меня просто убивало.

Я закрыла глаза.

– Да все нормально, мне сейчас нужны только джак и горячий душ. – Джак – корейская овсянка, и отец готовит вкуснейший джак с грибами и солеными морскими водорослями.

– Кого ты хочешь одурачить? Тебе нельзя завтра в школу. А сегодня вечером – никакого домашнего задания, только отдых и веселье, – отрезал отец и тронулся с места.

– Нет, никакого веселья! – возразила я, улыбнувшись, но не слишком поддерживая его шуточный тон. – Мне нужно завезти часть пожертвованных старшим классом консервов в ближайшую церковь и дописать работу по английской литературе.

– Эй! Если аппа говорит развлекаться – значит, развлекаться, и точка!

Отец всегда говорил о себе в третьем лице, называя себя «аппа», что по-корейски значит «отец». Меня бы это тяготило, если бы не звучало так... подкупающе ласково. Ошибки моего отца в английском были очень забавны, и я иногда думала, что он специально коверкает речь, чтобы меня рассмешить. Между собой мы говорили на двух языках, точнее, на

смеси моего плохого корейского и его плохого английского.

Дома я быстро приняла душ и, не скупясь на лосьон, протерла им загорелое лицо (*Калифорнийский загар, как у меня!* – с гордостью часто повторял отец), потом сбежала по лестнице в чулан и начала считать сложенные в кучу консервные банки, как вдруг в соседней комнате услышала знакомые крики по-корейски.

– Аппа! Ради всего святого, убавь звук! – закричала я. Громкость чуть снизилась, я вытащила коробку консервов в гостиную, где отец, сидя в своем кресле, смотрел любимые корейские дорамы. Поверх зеленой обивки была видна лишь его макушка.

Он остановил воспроизведение в самый важный момент: горячий жеребец нес на себе домой робкую, но очень пьяную девушку.

– Разве ты не смотрел эту серию? – поинтересовалась я. Подожди, это же о том, как...

Отец выпрямился в кресле и заревел, не давая мне возможности пересказать сюжет:

– Это другой сериал! Они не все одинаковые!

Я захихикала. Иногда так и хочется посмеяться над любовью отца к дорамам, которые он смотрит каждый вечер, независимо от погоды и времени года. (Другой телевизионной любовью всей его жизни было комедийное шоу «Я люблю Люси». Да, меня называли в честь Деи Арназ⁴. Не спра-

⁴ Американский актер, исполнивший роль Рикки Рикардо, мужа главной геро-

шивайте, почему.) В общем, ничто не может помешать отцу смотреть его любимые сериалы.

Одно время я называла их «корейскими мыльными операми», по аналогии с американскими, и мое лицо едва не плавилось от отцовского гнева.

– Как можно сравнивать то, что я смотрю, с этой дрянью?! – возмущался он. Хотя здесь я не могла не согласиться. Во-первых, дорамы шли в формате мини-серий и состояли из заранее известного количества эпизодов, а не тянулись десятилетиями, на протяжении которых не происходило ничего интересного (одни и те же супружеские пары противостояли своим близнецам-злодеям, и все в таком духе). Кроме того, в отличие от мыльных опер, корейские сериалы, которые смотрел отец, очень различались по жанрам: среди них были и романтические комедии, и фэнтези, и триллеры, и классические мелодрамы. Папе они все нравились. А я иногда смотрела за компанию, но без особого рвения.

Я указала на экран.

– Дай-ка угадаю. Эта пьяная девушка – сирота.

Отец поставил фильм на паузу и недовольно повернулся ко мне.

– Не сирота, но очень бедная.

– А этот парень – сын директора универсама.

– Йа⁵!

ини сериала, Люси.

⁵ Так звучит по-корейски «эй», а также по-английски «ты» и «да».

– Сам ты «йа»! Развлекайся. Можно взять твою машину?
Мне надо забросить консервы в церковь.

Он озабоченно посмотрел на меня.

– А не хочешь, чтобы аппа тебя подвез? Ты ведь болеешь.

– Со мной все хорошо, а церковь от нас всего в пяти минутах езды. Но все равно спасибо.

Он встал, проводил меня до двери и дал ключи.

– Ладно, но потом – сразу домой. Джак будет уже готов, да и к тому же тебе надо отдохнуть.

– Хорошо, аппа, скоро увидимся.

Я надела обувь и собралась загрузить коробку консервов в машину, как услышала крик отца, стоявшего в дверях.

– Эй, Дези, надень носки! Ты всегда заболеваешь, потому что ходишь без них.

Бог ты мой, отец говорит мне про носки. Seriously?!

– Это большое заблуждение, – закричала я в ответ, – что люди болеют от холода. Иди и смотри свои сериалы!

Но домой за носками я все же забежала.

Глава 3

– Обсудим, почему «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера обнажают «социальные язвы» своего времени. Опустим шуточки ниже пояса: мы и так знаем, что в его текстах полно похабщины.

Мисс Лайман, наша преподавательница английского и истинная англичанка, была вынуждена преподавать Чосера шайке калифорнийских сопляков.

Была пятница, и мы стали сдвигать парты, чтобы разделиться на группы и участвовать в дискуссии. Со мной, как всегда, были умники: Шелли Уэнг, Майкл Диаз и Уэс.

– Так, может быть, начнем тему с обсуждения социальных проблем общества того времени? – предложил Майкл, тут же яростно записавший что-то в тетрадь. Ему всегда хотелось быть первым.

– Например, о влиянии католической церкви, – пискнула Шелли, не желая отставать. Уэс кивнул в знак согласия.

– Да, чувак заметил это одним из первых.

Я наморщила лоб и попыталась сообразить, какие еще «социальные язвы» были в Англии четырнадцатого века. Задумавшись, я рассеянно рисовала на полях тетради платье, за которым охотилась в Сети несколько последних недель, как фанаты охотятся в соцсетях за знаменитостями. Короткое, серое (такого цвета обычно бывают перья у голубей), без

бретелек, с глубоким вырезом, заканчивающимся фестоном⁶ в виде сердца, и цветочным орнаментом у подола – оно бы отлично подошло для бала, который, казалось, никогда не наступит.

– Какого черта?

Мы с Шелли удивленно переглянулись. Мисс Кардиганс – Блестящее перо никогда не позволяла себе грубых словечек. Я проследила за ее взглядом. Туда же смотрела добрая половина класса.

В дверях стоял какой-то парень. Хотя нет, не какой-то, а до невозможности *идеальный* парень, этакий эталон мужской красоты.

Высокий, но не худой, с растрепанными волосами, частично спрятанными под миловидной шапочкой, он был одет в неприметные темные джинсы, рубашку с длинными рукавами и дутый синий жилет. Но, боже милостивый, его лицо... Смуглая кожа, мужественный подбородок, такой острый, что им можно резать стекло, выразительные темные глаза под слегка нахмуренными бровями, широкий рот... Он нерешительно улыбался, глядя на класс.

Карандаш вывалился у меня из рук и со стуком упал на пол.

– А зовут тебя?.. – уточнила мисс Лайман.

– Люка Дракос. Я новенький, – сказал он тихим низким голосом, и сразу послышалось девичье щебетанье.

⁶ Зубчатая кайма по краям штор или женского платья, белья.

Люка. В честь кого его называли, черт возьми?

– Итак, Люка, у нас тут развернулась дискуссия о «Кентерберийских рассказах». Почему бы тебе не присоединиться вон к той группе? – Мисс Лайман указала на нас. – Ребята, введите его, пожалуйста, в курс дела.

Я полезла за карандашом, а когда подняла глаза, все начало двигаться как в замедленном кино. Люка шел к нам. По классу будто пронесся легкий ветерок, слегка откинувший челку у него со лба, и в этот момент он посмотрел мне прямо в глаза. *Черт, как же он хорош!*

– Привет, – поздоровался он, дойдя наконец до нашей группы.

Я почувствовала, как рядом со мной затрепетала Шелли.

– Здравствуй, – пискнула она, потом быстро встала и придвинула пустовавшую парту. – Садись.

Люка взглянул на Шелли и улыбнулся.

– Спасибо, – ответил он и сел буквально в полуметре от меня. Пока одноклассники вежливо представлялись ему, я словно лишилась дара речи. Наконец он повернулся в мою сторону.

– М-меня зовут Дези. – Это звучало так хрипло и тихо, что пришлось прокашляться. – Дези, – глупо повторила я. *Почему, почему именно сегодня я решила прийти в школу в своих «супермодных» тренировочных штанах?!*

– Привет! – Его голос показался мне необыкновенно красивым.

– Откуда ты? – спросила Шелли.

– Из городка Охай, – ответил он. – Это примерно в часе езды на восток от Санта-Барбары.

Шелли энергично закивала.

– Да, я знаю, где это. Мама ездит туда, чтобы вдали от суеты позаниматься йогой. Кстати, мы тут обсуждаем критику общества в «Кентерберийских рассказах», – добавила она, хватая учебник. – Ты их читал?

Люка покачал головой.

– Не-а. – Трудно было не заметить полное отсутствие его интереса к теме.

Я нахмурилась. *Все ясно: новенький пытается произвести впечатление.* Шелли, однако, этого не поняла – она удивленно заморгала и уставилась на него. Я закатила глаза. *Тебе не удастся увлечь его разговорами о литературе, Шелли.* Я продолжала рисовать, понимая, что сама ни за что к Люке не повернусь. Не хотелось бы снова выплюнуть на кого-то свою мокроту. Воспоминание о том случае было еще слишком свежо.

Но тайком я на него все же взглянула.

Кто-то стукнул ногой по моему стулу: Уэс перевел взгляд с меня на новенького, ухмыльнулся и покачал головой. Я сердито посмотрела на него и беззвучно проговорила одними губами «умри». Он засмеялся и подвигал бровями, изображая Люку. Я ударила ногой по стулу Уэса, и он пригнулся, чтобы скрыть смех. Когда класс увяз в обсуждении пре-

небрежительного отношения Чосера к рыцарству, случилось что-то странное: Люка решил придвинуть свою парту ко мне. Я замерла. Это еще зачем? *He-e-em!*

Представим, *что* он сейчас увидит перед собой. Сухие, потрескавшиеся губы? Есть. «Соньки», которые, возможно, остались во внутренних уголках глаз с утра, и несколько мелких противных прыщиков на лбу? Есть. Длинный волос в брови (все время забываю выдернуть) и усики над верхней губой? Тоже на месте. Да еще эти тренировочные штаны! Нет, день для разговоров с красавцем новичком сегодня явно неподходящий.

Я в смятении посмотрела на Уэса. Он, понимая, что я вот-вот направлюсь во Фливалвиль, скорбно поджал губы. Люка оказался в нескольких дюймах от меня и искоса заглянул в мою тетрадь.

– Хороший рисунок. – Он смотрел прямо перед собой и говорил так тихо, что я даже засомневалась, не послышалось ли мне.

Я посмотрела на рисунок платья.

– О, спасибо, но это... всего лишь набросок. – Я небрежно накрыла рисунок рукой.

– Занимаешься рисованием по углубленной программе? Я фыркнула и тут же покраснела. *Соберись.*

– Н-нет, – наконец выдавила я. – А ты?

Он кивнул.

– Скажи мне правду, – прошептал он. – Я ведь оказался в

группе самых занудливых зануд, верно?

Я подавила желание улыбнуться, испугавшись, что снова фыркну. Это было бы слишком: фыркнуть второй раз подряд.

– Как ты узнал? По нашему усердному изучению «недо-английского» языка?

Он засмеялся. *Ого, мне только что удалось рассмешить красавчика.* Ладно, пока я отлично справляюсь, надо при- тормозить. Хотя...

– Мы типа получаем удовольствие от шуточек о непри- стойном поведении людей в четырнадцатом веке, – продол- жила я, не успев себя остановить. *Боже, ну почему?!*

Но Люка снова засмеялся. И это заставило меня тоже прыснуть со смеху – как ни странно, без фыркания.

Я чувствовала, как прожигает меня взгляд Уэса, посылав- шего телепатические сообщения, чтобы я замолчала.

И только я собралась наклониться к Люке и пошутить на- счет любви Чосера к похотливым дояркам, как заметила, что его рука перебирается на мою парту и медленно ползет ко мне. Какого?..

Мой мозг словно сошел с ума: в голове замигали красные огни, затрубили рожки и завывали сирены, предупреждая: сей- час может случиться что угодно. Я даже подумала, что уми- раю. Сердце выскочило из груди с финальным триумфаль- ным *adios, muchachos!*⁷

⁷ До свидания, мальчики (*исп.*).

Но я не умерла. Люка осторожно взял у меня карандаш. Я так удивилась, что согнутые пальцы так и остались в том положении, в каком его держали. Затем новенький слегка развернул и придвинул мою тетрадь к себе.

Не глядя на меня, он стал быстро и уверенно наносить штрихи поверх моего рисунка. Платье превратилось из смешного девчачьего в женское, многослойное и кружевное. Спереди короткое, сзади с турнюром⁸, покрытым каскадом перьев, которые доходили до пола, оно плотно облегало худощавую, но не без округлостей фигурку. Затем он пририсовал девушке шикарные туфли на высоком каблуке с ремешками, черные кружевные перчатки, доходившие до запястий, и длинные волосы, зачесанные на одну сторону. Прическа открывала изящное ухо с пирсингом, где виднелись длинные серьги-цепочки с шипами и драгоценными камнями, свисающие ниже плеч.

Я смотрела, как оживает мой рисунок, и дискуссия о Чосере превращалась в один сплошной шум на заднем плане. Люка остановился, и я посмотрела на него в нетерпении: мне хотелось узнать, что будет дальше. Новенький низко наклонился к парте, нахмурился, и его лицо приняло очень сосредоточенное выражение (но, готова поспорить, при этом он улыбался). Наконец на бумаге появилось лицо: густые прямые брови, темные широко посаженные глаза с длинными

⁸ Модное в 1870–1880-х годах приспособление в виде подушечки, которое подкладывали дамы под платье сзади, ниже талии, для придания фигуре пышности.

ресницами, широкие скулы и маленький рот, где верхняя губа больше нижней – намек на неправильный прикус.

Это я.

Я уставилась на рисунок, чувствуя, что не могу поднять взгляд на Люку. Щеки словно горели, а сердце стучало в ушах так громко, что мне казалось, этот стук слышат даже на другом конце планеты. Наконец я оторвалась от рисунка, заставила себя посмотреть ему прямо в глаза, и... между нами пробежала искра.

Но, прежде чем я успела что-то сказать, прозвенел звонок.

Все стали передвигать парты на прежние места, и по полу заскрежетали металлические ножки. Люка оставил тетрадку и карандаш на моей парте, поставил на место свой стол и, не говоря ни слова, забрал свои вещи.

Я, все еще пытаюсь прийти в себя, осторожно взяла карандаш. Клянусь, он еще хранил тепло пальцев Люки.

– Если не знаешь, где будет следующий урок, могу тебя проводить, – предложила Шелли, обращаясь к новенькому.

Он улыбнулся.

– М-м... спасибо, но я знаю, куда идти. – Он повесил рюкзак себе на грудь, и мне показалось, сделал вид, будто хочет в нем что-то найти. Уэс подтолкнул меня своей сумкой.

– Эй, ты готова?

Я заморгала.

– Да, хм. – Мы вместе пошли к выходу из класса, и я оглянулась на Люку. *Может, он хотел мне что-то сказать?*

По-видимому, нет: он все еще пытался что-то найти в своем рюкзаке.

– Так по какому поводу ты там хихикала с Джоном Статмосом? – спросил Уэс, когда мы вышли из класса.

– Ха-ха, смешно. Я не хихикала! – Говоря это, я непроизвольно улыбнулась. Уэс, глядя на меня, поднял брови.

– Че-ерт, да ты же...

– Заткнись! – Я снова непроизвольно хихикнула, а затем обернулась и... Ко мне опять направлялся Люка. Я замерла. По-видимому, всякий раз, как он шел в мою сторону, все начинало происходить как при замедленной съемке в кино. Подходя к нам, он со скоростью движения айсберга в океане поправил съехавшую на глаза шапочку. В это время мои мысли сменяли друг друга с такой скоростью, что к тому моменту, когда он наконец оказался рядом со мной, мы уже успели сходить на несколько свиданий, поженились и со слезами на глазах отправили двух наших дочерей к колледж. Когда Люка подошел, улыбка как-то сама собой сошла с моего лица.

– Итак, я знаю, что ты не занимаешься рисованием по углубленной программе. Но ты ходишь в студию изобразительных искусств, верно? – спросил он. Прежнее желание флиртовать у меня пропало – возможно, потому, что рядом шел Уэс. Хотя он вел себя по-дружески, так что...

Я старалась сохранять самообладание.

– Ха, ни за что.

Он громко загоготал, и это заставило меня довольно улыбнуться. Что за недостойный смех для такого красавца? *Не переборщи с эмоциями, Дези. Ты же знаешь, к чему ведет это перевозбуждение.* Мне никогда прежде не удавалось заставить парня рассмеяться. К этому времени в разговоре с представителем противоположного пола я уже успевала ляпнуть какую-нибудь невообразимую глупость. И вот впервые в истории я почувствовала слабую надежду. Уэс, не привлекая к себе внимания, шел впереди нас.

– Плохо дело, – подытожил Люка с непроницаемым выражением лица. Сердце заколотилось.

А затем я поняла, что теряю контроль над ситуацией. *Нет, нет, нет!*

– Плохо, что не хожу в художественную студию? – спросила я странным тонким голоском.

– Да.

Я покачала головой.

– Никогда не стану тратить время на занятие, в котором я лишь посредственность. – Боже милостивый, я начала говорить заученными фразами из эпохи колониализма. *Просто держись спокойно и равнодушно. И следи за осанкой.*

Прямо на моих глазах его улыбка начала угасать. Исчез блеск в глазах. *Ну вот, теперь ты переборщила с равнодушием.* Знала же, что надо вести себя, как обычно. Тогда, может, все еще удалось бы спасти. Вдруг я почувствовала отчаянную решимость. *Просто объясни, что хотела сказать на*

самом деле. Общение — ключ ко всему.

— Если честно, я очень занята. — Его лицо застыло в ожидании. — Мне и без того есть чем заняться. Я президент школы, играю в футбольной и теннисной командах, член пяти разных клубов и по окончании школы, скорее всего, буду произносить прощальную речь.

Хорошо знакомое вежливое выражение смеси отвращения и ужаса появилось на лице Люки.

— Ух ты. Как трудолюбивая пчелка. Ну ладно, удачи.

Глядя ему вслед, я покачала головой и наконец почувствовала возвращение способности нормально мыслить.

— Подожди, Люка.

Он неохотно повернулся.

И что теперь? Какого черта я только что сделала?

От нервного напряжения я непроизвольно потянула за шнур, которым на талии затягивался пояс моих тренировочных штанов.

— М-м... когда там собрание в художественной студии? — *Не все потеряно. Попробайся флиртовать. Будь привлекательной. ИЗОБРАЗИ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ!* Для пущего эффекта я прикусила нижнюю губу.

Люка стрелял глазами по сторонам: кажется, ему уже был неинтересен этот разговор.

— Я точно не знаю, но, думаю, это есть на веб-сайте... — Он умолк.

И тут...

Тренировочные штаны свалились с меня и гармошкой сложились у лодыжек.

Я посмотрела вниз. Люка посмотрел вниз. Я подняла глаза. Люка продолжал смотреть вниз. Где-то вдалеке я услышала крик Уэса:

– Да ты шутишь?!

Я подтянула штаны и бросилась бежать быстрее ветра.

Глава 4

Телефон вибрировал весь вечер: Уэс и Фиона пытались меня подбодрить в связи с потерей спортивных штанов. Но я не отвечала. В последнем сообщении, которое я им отправила, говорилось: «Считайте меня умершей. Пока».

Отец, придя с работы, застал меня в печали: переодевшись в пижаму, я смотрела реалити-шоу о молодых женщинах, где победительница должна была получить приз – собственный магазин, торгующий маленькими кексами. В расстроенных чувствах я лихорадочно уплетала свои любимые маринованные огурцы, нарезанные ломтиками. Отец, цокнув языком, встал в дверях.

– Столько съела?! Это за вечер? Аппа не будет готовить тебе ужин.

Он, ворча, прошел на кухню и принялся разбирать покупки. Обычно это была моя обязанность, но сегодня я была упоена своим горем. Конечно, учитывая богатую историю моих фливалов, можно было подумать, что сегодняшней – капля в море. В прошлом обычно часа через два после фливала меня что-нибудь отвлекало: ярмарка школьных исследовательских проектов, игра в футбол или что-то в этом духе. Но сегодняшнее происшествие не давало покоя, заставляя вспоминать самые позорные случаи моего флирта.

Джеффферсон Махони. Первый класс. Во время урока по

тхэквондо я заехала своему первому возлюбленному ногой в пах, и его увезли в отделение экстренной медицинской помощи.

Я сунула руку в банку взять еще ломтик маринованного огурца. Отец вошел в гостиную и, глядя на меня, покачал головой.

– Так, че тут происходит?

Обычно после этого «че» я начинала хихикать. В этот раз я только вяло улыбнулась.

– Ничего.

Диего Вальдез. Четвертый класс. Предложил посмотреть его «особые» книжки, и я сказала, что мне не разрешают смотреть порнографию. Оказалось, он имел в виду комиксы и даже не знал, откуда берутся дети. Получилось, что я – четвероклассница-извращенка.

– Это не обычные огурцы, я купил их на персидском рынке. Поделись, аппа их тоже любит.

Но я прижала к себе банку и повернулась к нему спиной.

– Нет!

Оливер Спраг. Седьмой класс. На танцах в Хэллоуин он наклонился ко мне, чтобы поцеловать (это был бы мой первый поцелуй), но я почему-то начала смеяться, а потом заплакала.

Отец надул губы.

– Так, прекрати. Это уже не смешно. Аппа хочет посмотреть телевизор, а ты ведешь себя вызывающе.

– Ты хотел сказать: нагло?

Он плюхнулся рядом со мной на диван так, что я пролила на себя маринад, и с силой отобрал у меня банку.

– В таком случае никакого ужина ни тебе, ни мне, – проворчал он, попробовал огурец и полез в банку за следующим ломтиком.

– Давай посмотрим что-нибудь другое! – Я никогда не находила в себе сил досмотреть до конца К-сериал⁹. К тому же сейчас настроение требовало чего-то более страшного или грустного.

Отец ничего не ответил, быстро настроил опции смарт-ТВ, подключился к Интернету и зашел на сайт корейских дорам. Он едва умел пользоваться электронной почтой, но зайти на этот сайт мог, кажется, даже во сне. Я попыталась забрать у него пульт, но безуспешно – он стукнул меня им по голове.

– Да что с тобой такое?! Я работал целый день, а ты чем занималась, пожирательница огурцов? Будешь смотреть то же, что и аппа.

Я сердито посмотрела на него.

– Не хочу.

Нима Амири. Второй курс. Несколько недель посылала ему «анонимные» сообщения со словами восхищения, но потом выяснилось, что он с самого начала знал, от кого они: я случайно подписала первое.

⁹ Корейский сериал.

Отец снова стукнул меня.

– Йа, перестань жаловаться. К тому же это последний эпизод, и аппа очень хочет его посмотреть.

На экране появились титры, заиграла музыка, которую я краем уха слышала всю неделю, и тут меня прорвало.

– Как ты можешь это смотреть?! Все эти сериалы кончатся одинаково! Эти люди... – я указала на экран, на большеглазую красавицу и подонка с прической как у Бибера, – никак не могут быть вместе! Но – о чудо – они оказываются вместе и живут долго и счастливо. Это полная ерунда!

Макс Перальта – я выплюнула ему на рубашку комок мокроты.

Люка Дракос – этому показала трусы.

Отец легонько толкнул рукой мою голову.

– Выбирай слова, мисс Нытик. Разве не знаешь, что если любовь настоящая, даже то, что начинается плохо, имеет счастливый конец?

Настоящая любовь. Я бы посмеялась над этими словами отца, если бы не вспомнила чувство, возникшее у меня при виде Люки и его рисунка. Такого я раньше не испытывала. В его присутствии у меня кружилась голова, гудело в ушах – это тоже было в новинку. Я влюблялась и прежде, но сейчас все было совсем не так.

Я откинулась на спинку дивана и погрузилась в сериал. Отец очень кстати включил английские субтитры, чтобы я со своим слабым знанием корейского понимала, что проис-

ходит.

Серия начиналась на городском перекрестке с оживленным движением — два главных героя стояли под дождем на противоположных сторонах улицы, глядя друг на друга. Мало проносились машины, и все это происходило под музыку.

Отец радостно захлопал в ладоши.

— Ну наконец-то! — воскликнул он. — Они нашли друг друга после стольких невзгод! Сейчас будут целоваться. — Он посмотрел на меня. — Вполне возможно, это фильм для взрослых.

Я насмешливо фыркнула.

— Аппа, ты серьезно? Мы «Горбатую гору»¹⁰ вместе смотрели.

Как раз когда на светофоре должен был загореться зеленый свет, который позволил бы двум влюбленным встретиться, показали короткий эпизод: девушка сидит за работой в кладовой с задранной юбкой. На ее чулке дырка, и, чтобы она не расползлась, девушка наносит на нее прозрачный лак для ногтей. В чулан случайно заходит парень, она вздрагивает, вскидывает вверх руки, и флакон с лаком для ногтей летит парню прямо в глаз. Он вскрикивает, а когда девушка поднимается с места, чтобы помочь ему, орет на нее и отталкивает. Ее настроение тотчас меняется, она наносит ему удар ногой, и он падает лицом в какое-то ведро.

¹⁰ Фильм Энга Ли о любовной связи двух ковбоев, считающийся первым в истории кино гей-вестерном.

Я фыркнула.

– Да, так я и поверила, что после всего этого они станут пылко целоваться под дождем.

Отец снова пихнул меня.

– Тихо, Дези. Просто смотри, сейчас показывают содержание предыдущих серий.

В следующей сцене бушует метель. Девушка пробирается сквозь нее и входит в хижину. Парень бросается к возлюбленной: он в бешенстве, оттого что она подвергла себя опасности, покинув дом. Тут он замечает, что девушка хромает: она ранена. Он сажает ее на табурет и нежно бинтует лодыжку. Его взгляд скользит от голой лодыжки к ее лицу, глаза героев встречаются, оба испытывают неловкость. Он случайно отталкивает ее, и она падает с табурета.

Я улыбнулась. Ладно, допустим, это было довольно мило, хотя можно было обойтись и без насилия.

Следующий эпизод: девушка ужинает с неизвестным мужчиной, неожиданно в ресторан врывается парень из предыдущей серии. Он в бешенстве хватается за руку и тянет за собой. Она кричит на него, яростно колотит в грудь своими кулачками, но он целует ее, и она тает в его объятиях.

М-м... это было даже... романтично. Я выпрямилась и подалась вперед.

Последняя сцена: эта парочка за работой, начальник кричит на девушку и швыряет в нее папку так, что бумаги разле-

таются во все стороны. Парень наблюдает за этой сценой, лицо перекошено от переполняющих его чувств. Девушка многозначительно смотрит на него и с высоко поднятой головой выходит из кабинета.

Отец пихнул меня локтем.

– Это она взяла на себя вину за его ошибку.

Мы просмотрели содержание прошлых серий вплоть до того эпизода, где влюбленные с нежностью смотрят друг на друга после стольких страданий и ошибок. Загорается зеленый свет, эти двое (в замедленной съемке) идут навстречу друг другу... И как раз когда они должны были встретиться на середине улицы, я схватила пульт и остановила воспроизведение.

– Дези! – заорал отец.

Я посмотрела на него и, хотя обычно человек не может знать, блестят ли у него глаза, почувствовала, что мои глаза заблестели. Раньше я думала: если отношения портятся, у них нет продолжения. Но ведь корейские сериалы *всегда имеют счастливый конец*. И если присмотреться, все истории любви начинаются одинаково: с того, что на долю девушки выпадает много унижений. Но почему же мои фливалы ни к чему хорошему не привели? Может, потому, что у меня никогда не было плана действий, последовательности шагов, которые стоило предпринять?

Но ведь эти шаги все время показывали по телевизору, и только большая голова отца мешала мне видеть их на экране!

Я вскочила с дивана.

– Это же что-то вроде дурацкого уравнения! Почему я никогда этого не замечала?! – закричала я. – Начнем с первой серии!

У отца отвисла челюсть, и он беспомощно простер руки к экрану, где те двое собирались поцеловаться, наклонившись друг к другу и закрыв глаза. Еще примерно тридцать мучительных секунд они будут сближаться головами для поцелуя, двигаясь со скоростью миллиметр в секунду.

Как и всего остального, любви Люки можно добиться, составив добрый старый план. Ощущение того, что не все потеряно, заставило меня буквально взлететь по лестнице и схватить ноутбук. Может, в любви мне пока и не везет, но я – чертов гений планирования! И теперь, после фливала с Люкой, я точно знаю, что хочу составить план прекращения собственных унижений.

Через два дня, в понедельник утром, все было готово.

Я выключила телевизор и прислонилась к морщинистой кожаной спинке дивана. Во рту пересохло. Контактные линзы прилипли к роговицам глаз, словно наклейки. Я посмотрела на отца. В свободное время он иногда присоединялся к моему телевизионному марафону, который мог длиться все выходные. Этой ночью он заснул рядом со мной на диване, я же не спала до утра. Во сне папа открыл рот, а его ступни в белых носках запутались в принесенном мною теплом пледе.

Я взглянула на экран ноутбука. Я сделала это: за выходные осилила три корейских телесериала от начала до конца, включая тот, который мы начали смотреть в пятницу вечером. При этом ни разу не выходила из дома, не принимала душ, не видела никого, кроме отца, и не отвечала на сообщения от Фионы и Уэса. Отец спросил, что это меня вдруг заинтересовали «мыльные оперы», и я ответила, что так нужно для школьного исследования. Отчасти это не было ложью. Сериалы, что я смотрела, относились к жанру романтической комедии, ибо они лучше всего подходили нынешнему сценарию моей жизни.

Забавно, но дорамы до недавнего времени были просто фоном в моей жизни. Под них я мыла посуду, готовила уроки или проводила время с друзьями наверху, в своей комнате. Но я никогда не сидела с отцом на диване перед телевизором и не отдавалась полностью этому наркотику.

За выходные я стала неофитом¹¹. Я прошла школу К-сериалов: смеялась, плакала и испытывала целый спектр других эмоций при просмотре.

Сначала надо было научиться всерьез воспринимать эстетику такого рода произведений, но к концу первого сезона я с этим справилась. Бог мой, какими странными мне показались прически актеров-мужчин! Первое время они только отвлекали от сюжета, но затем каким-то магическим об-

¹¹ Новый приверженец какой-нибудь религии, учения, общественного движения, новичок в каком-либо деле.

разом из смехотворных превратились в изящные и даже милые.

Да, я закатывала глаза, когда показывали шикарно обставленные дома «богатых», но была вознаграждена романтическими видами Сеула: оказывается, ночью там можно выпить и поесть горячих закусок в разборных палатках. В уютных кофейнях проигрывают популярнейшие американские хиты, вдоль городских проспектов тянутся ряды цветущих вишневых деревьев, а ночной вид знаменитой реки Хан поражает воображение. Сеул стал для меня приятным и живым городом.

Хоть я и американка корейского происхождения, просмотр корейских сериалов вызвал у меня культурный шок. Меня поразило то, что объятия – важный индикатор близости в отношениях (в американских сериалах не успеешь моргнуть, как главные герои прыгают в кровать). Удивило то, какие огромные препятствия возникают перед влюбленными из-за принадлежности к разным классам общества. Я не знала, что считается нормальным, если богатая мамаша бьет взрослую женщину за то, что та посмела, несмотря на свою бедность, встречаться с ее сыном. Причем эта взрослая женщина просто сидит и принимает побои как должное, потому что богатая мамаша старше нее! И, потом, эмоции героев. Боже мой, я никогда не видела у людей такого накала страстей, будь то на экране или в жизни! Так много слез, столько крика. Теперь я понимаю, почему отец говорит

так, будто пишет заглавными буквами, и относится ко всему скептически. Я уже не говорю о пылкости объятий, страстных метаниях из комнаты в комнату, снятых крупным планом натурально дрожащих губах и сжатых челюстях... *Привет вам, голливудские режиссеры, отвечающие за подбор актеров. Полагаете, у азиатов нет таланта, чтобы стать звездами? Вам бы в Корею съездить!*

Да, сюжеты могут быть банальными, временами даже чересчур, но с сильными героями все это работает. С теми, за которых вы переживаете, которым сочувствуете или завидуете, которых ненавидите всеми фибрами души или в которых всерьез влюбляетесь. Они кажутся более реальными, чем те, за чьи роли дают «Оскар».

Казалось, К-сериалы разливают неземную любовь в вызывающие привыкание упаковки, так что хочется поглощать их по десять-двадцать часов без остановки. Мои переживания при виде первого невинного поцелуя напоминали сердечный приступ. Я ревела, если пары вынуждены были расставаться из-за того, что кто-то из влюбленных страдал, и облегченно вздыхала, когда героини обретали счастье.

Теперь мне предстояло идти в скучную американскую школу. Но я была вооружена знаниями, которые, без сомнений, должны были помочь.

– Аппа, аппа, проснись! – Я толкала его локтем, пока он не открыл глаза. *Как будто я поднимала четырехлетнего ребенка!* Наконец мне удалось заставить его пойти наверх

и принять душ. Когда дверь ванной за отцом закрылась, я взглянула на экран телефона. До появления Фионы у меня было еще добрых двадцать минут.

Глава 5

Фиона опаздывала, а было холодно. Дожидаясь ее на дорожке у дома, я обнимала термос с кофе, который едва помогал мне держаться на плаву после бессонной ночи. Приложение на телефоне показало, что температура на улице всего одиннадцать градусов. Собачий холод в округе Ориндж даже для декабря. Я уже собиралась написать Фióне гневное сообщение, как вдруг услышала громкий лязг. Вслед за ним из-за угла показалась ее медного цвета смерть на колесах, любовно именуемая «пенни». Я почувствовала, как наши обеспокоенные соседи раздвигают жалюзи, чтобы посмотреть на шумный автомобиль, который, по их мнению, должен принадлежать какому-нибудь хулигану.

В машине громко играла музыка, шведский регги, но пока Фиона не остановилась прямо передо мной, я не могла ее расслышать (все заглушал лязг). Я села на пассажирское сиденье и убавила громкость.

– Господи, ты же оглохнешь. Либо от ужасной музыки, либо от лязга этой колымаги. Кстати, ты знаешь, что у «пенни» повреждена выхлопная система? – Как истинная дочь автомеханика я могла определить проблему по звуку выхлопа даже во сне.

– Недавно наехала на соседский скейтборд, может, из-за

этого, – Фиона подумала и сердито посмотрела на меня. – Ты в спячку, что ли, впала после этого фливала с тренировочными штанами?

– Отчасти.

Она постучала своими сиреневыми ногтями по рулю.

– Ну, рада видеть тебя живой. Если бы не твой загадочный пост в «Инстаграме» вчера вечером, я бы обратилась в полицию.

– Знаю, извини. Меня просто накрыло в эти выходные. – Она снова мельком взглянула на меня.

– Но сегодня ты вроде выглядишь стильно.

На мне были черные джинсы, черные туфли без каблуков, серое шерстяное пальто и свитер с узором из сердечек.

– Фи, на мне самые обычные шмотки.

Фиона была в шортах-комбинезоне поверх колготок, футболке с длинными рукавами и твидовом мужском пальто. Алые губы, крашенные рыжие волосы, собранные в высокий неряшливый узел, – как всегда, она выглядела «божественно».

Я занервничала и посмотрелась в зеркало на солнцезащитном щитке. Мне удалось сделать свою любимую прическу, поэтому сегодня лицо обрамляли распущенные, слегка волнистые волосы. Перед глазами снова возник рисунок Люки: девушка с длинными локонами, зачесанными на одну сторону.

– Хочу сказать тебе кое-что, – наконец произнесла я.

Наступило молчание.

– Дава-а-ай, я слушаю.

– В общем, как-то странно, что у меня почти все получается хорошо, но я не могу найти себе парня из-за каких-то фливалов. Ясно, что мне не хватает какой-то магии, которая есть у вас, опытных любовников.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Так вот... ты же знаешь, что мой отец смотрит корейские сериалы?

– Да, это так мило. – *Он способен растрогать даже самое ледяное сердце.*

Я продолжала.

– Так вот, после того как один красавчик в пятницу увидел мои трусики в зеленую полоску, я посмотрела несколько корейских сериалов. Вроде как... три штуки.

– Три серии?

– Нет, три сериала. Целиком.

Фиона свернула на главную улицу и недоверчиво взглянула на меня.

– Ты посмотрела три сериала за выходные? Но ведь в каждом из них по сто серий, разве нет?

– Нет, в среднем от десяти до двадцати.

– Ты что, таблеток наглоталась, чтобы не спать?

– Меня подстегивал фливал, Фи! Можешь считать меня сумасшедшей, но, по-моему, мы с Люкой пережили серьезный момент.

– Это было до того, как у тебя упали штаны?

– Фиона!

Мы подъехали к школе, она выключила зажигание и уставилась на меня.

– Ладно, теперь серьезно. Когда вы успели пережить какой-то там момент? Разве вы познакомились не за полчаса до того, как?.. Ну, ты понимаешь.

У меня перед глазами всплыла картина: Люка смотрит на свалившиеся серые штаны, лежащие у моих ног. Я помотала головой, чтобы картинка пропала.

– Да, но... я не могу это объяснить.

– А я могу. Он красавчик, и ты на него запала, – хмыкнула Фиона.

– Дело не только в этом. То есть... да, конечно, он красавчик. Но это не единственное... – Я отвернулась от нее и посмотрела на свои нервно дрожащие руки, лежащие на коленях. Тяжело было обсуждать такие подробности. – Он взял у меня карандаш и... нарисовал *меня*. Это было так... романтично. Ни один парень для меня такого не делал.

Фиона помолчала.

– Ты такая лохушка.

Я шлепнула ее по руке.

– Не смейся надо мной. Я серьезно! Жаль, что я не опытная соблазнительница, которая заставляет мужчин пить шампанское из своих туфель на высоченных каблуках.

– Что? Уже одно это, Дез, заставляет меня о тебе беспо-

коиться. То, что ты знаешь об отношениях, – странная, банальная чепуха из роликов 80-х годов, в которых рекламируют шампанское.

Мы сидели в машине. Обогреватель был выключен и становилось холодно.

– В этом все и дело! Со мной что-то не так! Может, я остановилась в развитии, а может, мне чего-то не хватает, когда дело доходит до завязывания отношений. И как мне с этим справиться?

Фиона вскинула руки.

– Не знаю, с остальным же ты как-то справились!

– Да! И знаешь, как? В остальном есть правила, шаги и методы совершенствования.

Подруга задумчиво посмотрела на меня.

– К чему ты клонишь?

Я вытащила тетрадку и с торжествующим видом подняла ее перед собой.

– Я сформулировала шаги, которые надо предпринять, чтобы покончить с фливалами! – С этими словами я отдала тетрадь Фионе.

Во время чтения ее лицо оставалось бесстрастным.

Шаги к истинной любви, составленные по корейским сериалам

1. Почувствуй себя живым воплощением чистоты и добра.

2. Пускай у тебя будет печальная семейная история.
3. Познакомься с самым неприступным парнем в мире.
4. Сделай так, чтобы этот парень всегда был рядом с тобой, из вредности или одержимости.
5. Пусть у тебя будет «тайная мечта» – научиться делать то, что может вас сблизить.
6. Упорно стремись к осуществлению «тайной мечты», даже если она отличается от твоей собственной.
7. В этом парне обязательно должна быть загадка, поэтому узнай о нем побольше.
8. Окажись участницей явно «кривобокого» любовного треугольника.
9. Попади в трудное положение – это заставит пережить момент близости, который вас свяжет.
10. Узнай важную тайну этого парня, желательно связанную с преследующими его мучительными воспоминаниями.
11. Докажи, что ты не такая, как все остальные женщины на земле.
12. Помни: событие, угрожающее жизни, заставит его понять, насколько сильна твоя любовь.
13. Расскажи ему душещипательную историю о своих слабостях.
14. Наконец скрепи все это страстным поцелуем!
15. Люби глубоко, преданно и со всеми слезливо-сентиментальными последствиями.
16. Выбери свою песню, чтобы петь от счастья, на

зависть всем!

17. Ваши миры должны столкнуться, чтобы образовать одну вселенную.

18. Познакомься с его родителями и постарайся им понравиться.

19. Принеси серьезную жертву, чтобы доказать свою любовь.

20. Не позволяй себе почувствовать счастье до самой последней минуты.

21. Наступит переломный момент: одному из вас может показаться, что его предали.

22. Когда ты будешь особенно несчастлива, вспомни, кокой замечательной парой вы были.

23. Прими решительные меры, чтобы все закончилось хорошо.

24. Все заканчивается хорошо.

Фиона перестала читать, и я ждала, что она скажет. Ее подведенные глаза цвета электрической искры удивленно уставились на меня.

– Ты... с ума сошла?

Я выдохнула.

– Выслушай меня...

– Ни в коем случае, Дез. Это самое странное из того, что мне приходилось видеть, даже от тебя. Кое-что из этого вообще выходит за рамки! Кто, черт возьми, в здравом уме может составить такое...

– Фи, я не собираюсь следовать этому буквально. Неко-

которые из перечисленных действительно безумных вещей – часть общей формулы, но мне вовсе не обязательно выполнять каждый пункт. Это, если хочешь, сырой... мотивирующий набросок. Но в нем в общих чертах изложены шаги, которые помогут мне: например, пункт «попасть в тяжелое положение» – это заставит Люку почувствовать, что я ему дорога, а затем в конце концов сделает нас ближе друг другу.

– О боже, опять у тебя то самое выражение лица.

Я кивнула.

– Да, это выражение, с которым дело доводится до конца. – Я открыла тетрадь на пустой странице после списка. – Здесь я буду делать заметки о своих успехах и результатах применяемой тактики.

На лице Фионы по-прежнему было сомнение, но глубокие морщины на лбу слегка разгладились.

– Ладно. Так, скажи еще раз, каков шаг номер 1? – Она потянулась к тетради и открыла страницу списка. – *Почувствуй себя живым воплощением чистоты и добра.* – Она посмотрела на меня и рассмеялась.

Я скрестила руки на груди.

– Этот пункт... наверное, нужно пропустить.

– Пожалуй. Дези, ты собираешь консервы для нуждающихся, обнимаешь деревья и учишь идиотов. Достаточно с тебя добродетели.

Иногда от комплимента до оскорбления всего один шаг.

– Спасибо, подруга, – хмыкнула я. – Двигаемся дальше...

Номер 2: *печальная семейная история*. Да, ставим галочку.

Фиона настороженно посмотрела на меня.

– Это что, тоже к тебе относится?

Я пожала плечами.

– Я не брошенный ребенок, это очевидно. Но для посторонних отсутствие матери всегда кажется трагедией, как у какой-нибудь принцессы из волшебной сказки.

Фиона кивнула.

– Допустим. Номер 3: *познакомься с самым неприступным парнем в мире*. Хм. Не знаю, самый ли он неприступный, ну да ладно, ты с ним уже познакомилась. Шаг 4: *сделай так, чтобы этот парень всегда был рядом с тобой, из вредности или одержимости*.

Мы секунду помолчали, и Фиона шлепнула меня тетрадью по голове.

– Ты более чем одержима.

– Ой! – Я потерла лоб. – Ну... значит, нужный уровень одержимости достигнут. И к чему это нас приводит? К шагу номер 5.

Фиона посмотрела в тетрадь.

– Пусть у тебя будет «тайная мечта» – научиться делать то, что может вас сблизить. Какая у тебя тайная мечта? Она вообще есть?

– Моя мечта вовсе не тайна: Стэнфорд, медицинский факультет. Но, чтобы все получилось, должно быть еще что-то, что сблизит меня с Люкой.

Опустив стекло, Фиона глубоко вздохнула. В машину подул холодный ветер.

– От этого плана у меня все феминистские волоски встают дыбом.

– Да ладно, Фи, дело не только в феминизме. Хотя... то, что я берусь управлять своей личной жизнью, может быть, и есть полный феминизм.

– Как скажешь. Так ты думала о «тайной мечте»?

В машине стало холодно, и я подняла воротник пальто.

– Да, – ответила я приглушенным голосом.

– Страшно представить.

– Изобразительное искусство.

Фиона закашлялась, и я постучала ей по спине.

Шаг 6

Глава

***Упорно стремись к осуществлению
«тайной мечты», даже если она
отличается от твоей собственной***

Все мои усилия по наведению красоты оказались напрасны, поскольку Люку я не видела. Когда прозвенел звонок на урок английского, Шелли спросила:

– Где новенький?

Мисс Лайман посмотрела на нас и закатила глаза.

– Чья-то ошибка. Простите, дамы. Он больше не будет заниматься в группе углубленного изучения английского.

Это звучало не так уж плохо. На перемене я искала Люку в коридорах, но его нигде не было, и я испытала разочарование и облегчение одновременно. Теперь у меня появилось дополнительное время, чтобы придумать, как смотреть ему в глаза после того случая со свалившимися штанами. А это предстояло завтра, на собрании в художественной студии.

В тот вечер я выпила две кружки кофе, чтобы не заснуть раньше времени. Первый корейский сериал мы с отцом начали смотреть еще во время приготовления ужина.

– Аппа, как героям этих сериалов удастся сохранить ли-

цо после какого-нибудь очень неловкого поступка? – спросила я, мешая соус для спагетти, который делала сама. Этаж, где у нас располагаются кухня и гостиная, имеет свободную планировку, поэтому я легко могла одновременно готовить ужин и смотреть «Красавчиков из лапшичной». Да-да, именно «готовить»: спагетти были одним из трех блюд, которые я умела делать настолько вкусно, что отцу не приходилось восполнять испорченный ужин корейскими закусками. Полулежа в кресле, он, прежде чем ответить, задумчиво отхлебнул пива.

– Ну, обычно они смелые и раскрепощенные. Многие героини очень сильны духом, поэтому парни любят их, несмотря на то что эти девушки не отличаются красотой.

Что ж, это вселяло надежду. Я добавила чесночной муки в кипящий кетчуп.

– То есть они вроде как... сохраняют самообладание в любой ситуации?

– Именно, сохраняют самообладание.

Потом, все еще под воздействием кофеина, я погуглила корейские сериалы, которые смотрела, и прочла все об актерах. Здесь же обнаружила удивительный мир блогов и гифок на «Тамблере»¹², посвященных К-сериалам. Оказалось, что у них огромное количество поклонников. Заснула я с телефоном в руках перед телевизором, скачивая сразу несколько

¹² *Гифки* (gifs) – графические изображения, которые можно найти в том числе на социальной платформе Tumblr.

сери́й «Красавчиков из лапшичной».

На следующий день после школы с упорным стремлением к осуществлению «тайной мечты» (пункт 6) я отправилась на собрание в художественную студию. Накануне я поговорила с мистером Россо, ее руководителем, и он велел принести блокнот для рисования и карандаши: сегодняшнее занятие выездное и будет проходить в зоопарке. *Прямо как в первом классе.* Тетрадь с перечнем действий, которые мне предстояло предпринять, лежала в рюкзаке вместе с новенькими принадлежностями для рисования и придавала мне храбрости.

Но, едва я оказалась в школьном автобусе, мне захотелось развернуться, как Роуд Раннер¹³, и валить отсюда к черту. Би-бип! Будь проклята та смелая героиня корейского сериала. Я знала многих ребят здесь, все они учились в нашей школе, но это была толпа хипстеров, среди которых я чувствовала себя этакой типичной девчонкой, любящей Тейлор Свифт и читающей «Сумерки».

Я вдруг поняла, что сделала неудачный ход: Люка знал, что я не состою в клубе, и должен был заподозрить, что я пришла на собрание из-за него.

– Дези! – неуверенно позвала меня девушка с обесцвеченными волосами. Кассиди из нашей футбольной команды. Я тут же подбежала к ней: было приятно видеть знакомое лицо.

¹³ Персонаж мультфильмов серии «Песенки с приветом» (Looney Tunes).

– Привет, – облегченно вздохнула я, присаживаясь рядом с ней и пытаясь улыбнуться как ни в чем не бывало.

Кассиди загадочно улыбнулась в ответ.

– Что ты здесь делаешь?

Я поискала глазами Люку, но никаких признаков его присутствия в автобусе не было.

– Хм... решила вступить в клуб.

– Ух ты, правда? Никогда бы не подумала... – Кассиди умолкла.

Не успела я назвать какую-нибудь причину, объясняющую мое появление, как увидела в окно Люку. Он шел к автобусу с какой-то длинноногой девушкой в военных ботинках. Ее зеркальные «рэй-бэны»¹⁴ блестели на солнце, черные волосы с сиреневыми концами свисали до плеч. Эти двое шли к автобусу, склонив головы друг к другу, и смеялись.

Это еще что за бред? У него что, уже есть девушка? Всего три дня в новой школе!

Они вошли в автобус. Люка остановился, чтобы поздороваться с кем-то из сидевших впереди, а я повернулась к нему спиной: не хотела, чтобы он меня узнал. Хуже и быть не могло, о чем я только думала?!

– Дези Ли? Ого, я знала, что ты интересуешься многими вещами сверх программы, но чтобы опуститься до нашего арт-клуба!..

Это было сказано мне в спину, так что я видела только ре-

¹⁴ *Ray-Ban* – известный бренд очков.

акцию Кассиди. Ее челюсть отвисла, а зеленые глаза полезли на лоб.

– Вайолет! – воскликнула она.

Я повернулась и взглянула на вышеупомянутую Вайолет. Длинные волосы до талии, черные джинсы с разрезами, поношенная белая кофта с вырезом в виде буквы V, смешной рюкзачок.

Я удивленно уставилась на нее.

– Извини, мы знакомы?

– Ты меня не знаешь, но я потрясена, честное слово! Я твоя избирательница, Вайолет. Вайолет Чой, – произнесла она, растягивая гласные.

Чой, кореянка. Хм, я не могла ее вспомнить и была совершенно не готова к такой враждебности.

– Так в чем дело? – поинтересовалась я.

– Дело в том, – заговорила Вайолет писклявым голосом, пародируя меня, – что ты самая преуспевающая ученица в Монте-Висте и ты – везде. Художественная студия – единственное место, где можно было обойтись без тебя, потому что ты не художник.

Я была так потрясена, что даже на какое-то время забыла, что Люка стоит рядом. Со мной еще никто так не разговаривал. Может, я и известная личность в школе, но иметь из-за этого врагов очень не хотелось бы. Я всегда тешила себя мыслью, что меня все любят из-за душевной доброты и что у нас не совсем обычная старшая школа, где полно злобных дево-

чек-лидеров и терпящих унижения неудачников. По крайней мере, я привыкла так думать и теперь не знала, что ответить.

Что делает героиня корейского сериала, столкнувшись с вопиющим хамством? Я вспомнила, как в «Защите босса» главная стерва испачкала мороженым зад Ин-Сол, но та оставалась спокойной и вежливой.

Люка стоял рядом с Вайолет, прямо в центре автобуса. Поэтому, хоть в глазах у меня и покалывало – ужасное ощущение, предвещавшее слезы, – я молчала. Наши глаза на мгновение встретились, и он нахмурился.

От этого намека на заботу я тотчас забыла, что последний раз он видел меня в трусах и с упавшими на пол штанами.

Люка посмотрел на Вайолет и поинтересовался:

– Так вы знакомы?

Он перевел взгляд на меня. Я молчала, пытаюсь совладать с гневом и с тем, что меня только что унизили.

Неожиданно для всех ответила Кассиди.

– Да, мы с Дези играем в одной футбольной команде. А вы знакомы? – Она вопросительно подняла брови.

Я взглянула на Люку, тот пожал плечами и ответил:

– Типа того. Знаю, что стрингам она предпочитает трусы. – Он посмотрел на меня с усмешкой.

О... мой... бог.

Кассиди слегка приоткрыла рот, а Вайолет с демонической скоростью повернула ко мне голову. Но не успела я от-

ветить, как в автобус вошел мистер Россо и заревел:

– Так, мои маленькие Ренуары, начнем! – Он похлопал себя по животу, и нижний край его гавайской рубашки слегка приподнялся. – Все готовы ехать в зоопарк? – Ответом ему было молчание.

В этот момент мистер Россо внимательно посмотрел на нас.

– А, да, – продолжил он, – начнем по порядку. У нас двое новеньких, давайте все тепло поприветствуем Дези Ли и Люку Дракоса. – Кто-то вяло захлопал в ладоши, послышался смех.

Мистер Россо сердито посмотрел на смеявшихся.

– Как бы то ни было, Дези и Люка, две последние недели мы готовили работы для благотворительной выставки. Все сборы пойдут в пользу Калифорнийского государственного фонда парков. Ну а сегодня сделаем небольшой перерыв, порисуем в зоопарке.

Я кивнула, натянув улыбку, хотя в глубине души меня душили рыдания.

– Замечательно, – буркнула я.

Снова послышался смех, и Вайолет пискнула:

– Да, замечательно.

Мистер Россо, укоризненно взглянув в глубину автобуса, сел.

– Ведите себя прилично, – предупредил он, – нам ехать около двадцати минут.

Вайолет села рядом с Люкой, через два ряда от меня и Кассиди.

В глазах Кассиди читалось любопытство.

– Так откуда Люка знает, какое нижнее белье...

Я отмахнулась, и она замолчала.

– Это совсем не то, что ты думаешь. Он шутит.

Кассиди, судя по всему, было недостаточно этой информации, но докапываться она не стала и просто поджала губы.

Через некоторое время она шепнула:

– Ты извини Вайолет, она обычно не такая...

– Приветливая? – сухо закончила я. Моя соседка хмыкнула.

– Именно. Не знаю, она просто очень любит искусство и осуждает людей, которых считает... выскочками, – смущенно добавила Кассиди.

Я негодуяще втянула носом воздух, хотя, если честно, так и есть: я – выскочка. Я взглянула на Вайолет и Люку.

– Так, м-м, эти двое вместе или как? – Я надеялась, что задала этот вопрос вполне безразлично.

– Что? Люка и Вайолет? – переспросила Кассиди, нахмурив лоб. *Неужели нельзя было сказать это еще громче?!*

Я улыбнулась, хоть втайне и заскрежетала зубами.

– Да.

– Нет, что ты. Он здесь еще и недели не пробыл. Девчонке пришлось бы очень подсуетиться. – Кассиди изобразила дьявольскую улыбку. – Но, поверь мне, все впереди. Она на

него еще в пятницу, на уроке изобразительного искусства, глаз положила.

Только через мой труп.

– Ясно, – как можно спокойнее ответила я.

Кассиди придвинулась ближе.

– Но, по-моему, этодохлый номер. – У меня перед глазами мелькнуло лицо Гарри Чена. Может, Люке... не нравятся девушки? – В первый же день в классе девчонки приглашали его на свидание, я немного подслушивала. Но он сказал, что не хочет заводить подружку.

Теперь наступила моя очередь нахмурить лоб.

– Почему?

Кассиди пожала плечами.

– Кто знает? Я думаю, это оттого, что он такой серьезный художник. Знаю, что он хочет добиться большой стипендии, чтобы легче было платить за учебу в Род-Айленде. – Она мельком взглянула на меня. – Там находится...

– Школа дизайна. Да, я знаю названия всех колледжей в Северной Америке. – Я сразу пожалела о сказанном и виновато улыбнулась. – Извини, я на этом сдвинута.

Кассиди засмеялась.

– Так и запишем.

Я с любопытством посмотрела на нее.

– Откуда ты так много о нем знаешь?

Она покраснела.

– Он говорил в классе об этой школе, стипендии... Я про-

сто слышала. – Прошло несколько секунд, и Кассиди изменилась в лице. – Кроме того, я посмотрела о нем в Сети.

Я не могла винить ее в любопытстве. Просто поудобней устроилась на сиденье и посмотрела на затылок Люки в этой милой шапочке. Тот факт, что он и это ужасное существо не вместе, уже радует. Но загадочная история с нежеланием заводить подружку была препятствием, которого я не предвидела.

Хорошо, что ничто так не побуждает к действию, как высказанные сомнения в моих способностях.

Что ж, вердикт был вынесен: художник из меня не очень. Я энергично стерла ластиком рисунок жирафа, который почему-то напоминал работу кубистов.

Кассиди заглянула в мой альбом и попыталась скрыть улыбку.

– Честно говоря, если бы ты и в этом оказалась сильна, нам, возможно, пришлось бы тебя прикончить.

Слышать это было лестно, но невыносимо. Я с ненавистью уставилась на то, что осталось от моего рисунка.

Мы сидели на скамье неподалеку от вольера с жирафами. По приезду все сразу разбились на пары, и не успела я даже заговорить с Люкой, как Вайолет взяла его под руку и куда-то утащила. Да, оказывается, я не одна такая бесстыжая.

И вот мы сидели с Кассиди, пытаясь рисовать животных. События развивались совершенно не по плану.

– Эй, вы Люку не видели?

Я подняла голову и увидела взбешенную Вайолет.

– Нет. А что, он тебя бросил? – спросила Кассиди. Вайолет уперла руку в бок и сердито посмотрела на нее.

– Не смешно. Ищу его последние минут двадцать. Он пошел в туалет и исчез.

– Может, обратиться в бюро находок? – пробормотала я.
Ну и чудака же этот парень.

Она презрительно взглянула на меня и скривила верхнюю губу.

– Прости, я что, *с тобой* разговаривала?

Знаете что? В «Защите босса» Ин-Сол в конце концов тоже засунула рожок с мороженым в задницу этой стерве. В некоторых случаях нельзя прогибаться, надо иметь хребет.

Я вздернула подбородок, повернулась к Вайолет и выпалила:

– Прости, а я разве просила тебя загораживать мне этих великолепных животных?

Сняв солнцезащитные очки, Вайолет смерила меня презрительным взглядом.

– Хватит притворяться, будто рисуешь.

Кассиди вскинула руки.

– Довольно, Вайолет! Пойдем лучше, поищем его, – Кассиди виновато посмотрела на меня. – Прости, Дези, ты не возражаешь?

Я не возражала. Совсем. Я улыбнулась и помахала ей.

– Нет-нет, иди, удачи!

Вайолет скривилась и, схватив Кассиди за руку, буквально сдернула ее с места.

Когда они скрылись из виду, я вскочила и собрала свои вещи. Люка должен быть где-то здесь, один, и мне представлялась прекрасная возможность его найти.

Проходя по аллеям зоопарка, я видела рисующих ребят напротив выбранных ими животных. Бассейн с морскими львами, медвежья берлога, террариум для рептилий... И никаких признаков серой шапочки. У входа в зоопарк его тоже не было. Я уже собиралась вернуться к жирафам, как вдруг что-то привлекло мое внимание. На воротах, частично скрытая ветками эвкалипта, висела старинная латунная табличка. Она казалась настолько неуместной в зоопарке с новеньким ремонтом, что я подошла, чтобы прочитать надпись.

Историческая достопримечательность «Зоопарк Саут-Ориндж», округ Эссекс.

Построен в 1932 году. Известен как один из первых современных американских зоопарков.

После пожара 1994 года был полностью реконструирован в 2001-м. Немногочисленные сохранившиеся здания и вольеры расположены возле южного выхода, к которому ведет тропа от радужного эвкалипта. Пожалуйста, не трогайте растения и ненадежно закрепленные конструкции.

Так-так. Будь я художником, куда бы я пошла в поисках чего-нибудь более интересного, чем малоподвижные животные, которых рисуют все остальные?

Я посмотрела на план зоопарка и направилась к южному выходу. Взглянув на часы в телефоне, я сообразила, что до отправления автобуса остался всего час, и на всякий случай включила будильник. *Лучше бы тебе оказаться здесь, юный художник.*

Не заметить этот эвкалипт было невозможно: он достигал в высоту около восемнадцати метров, и кора действительно переливалась всеми цветами радуги. Выглядел он очень круто. Кроме того, это был единственный вид эвкалиптов, встречающийся в естественных условиях в северном полушарии (да, я состою в обществе охраны деревьев Монте-Висты). Рядом с деревом виднелась тропинка.

Я пошла по ней, пробираясь сквозь густые заросли виргинских дубов и платанов. Под ногами тихо шелестели опавшие листья. Все это было, конечно, очень романтично, но Люки здесь не оказалось. Наконец я заметила что-то вроде развалин и поспешила к ним. Путь оказался не близким, так что пришлось остановиться и перевести дух.

Я оказалась на большой поляне, окруженной скалами. Повсюду виднелись пещеры и ржавые клетки, густо покрытые мхом. Растения здесь разрослись, как в джунглях, и солнечный свет почти не проникал сквозь сплетение их ветвей. Между вольерами петляла мощеная дорожка.

Я раздвинула ветви, чтобы забраться в одну из открытых клеток. Ее ржавые стенки изнутри тоже поросли мхом, но не настолько, чтобы скрыть какие-то надписи, сделанные аэрозольным баллончиком. Наморщив нос, я направилась к одной из пещер, как вдруг услышала шипение и замерла. Вот дерьмо... Это что, змея? Неужели по зоопарку, который и так выглядит как после апокалипсиса, еще скитаются животные? Шипение стихло, но затем началось снова. Я наклонил голову: нет, вряд ли этот звук издает животное.

– Эй! – неуверенно крикнула я.

Шипение прекратилось. Затем послышалось шуршание листьев. Кто-то или что-то двигалось среди деревьев. Господи, зачем я сюда пришла? Дурацкий пошаговый план, который возник из-за глупых корейских сериалов!

– Дези!

Низкий мужской голос показался мне очень знакомым.

В проходе между полуразрушенными зданиями появился Люка.

– Что ты здесь делаешь? – прищурился он.

Я обхватила себя руками, выжидая, когда сердцебиение немного успокоится.

– Увидела указатель к развалинам старого зоопарка и решила узнать, что там. – *Давай, Дез, ври складно.* – И еще... мне не очень понравилось рисовать животных вместе с остальными. Подумала, что со зданиями будет интереснее. – Люка посмотрел на меня с неподдельным сочувстви-

ем. Кажется, поверил. — А *ты* что здесь делаешь?

Он поправил рюкзак.

— Стало скучно, хотел осмотреться. — Мы некоторое время просто глядели друг на друга.

— Ну... — я попыталась нарушить молчание, но в голову ничего не приходило.

— Почему ты боишься рисовать? У тебя неплохо получается, — заметил Люка.

— Да, не так уж плохо для детского сада.

Он подошел ко мне и протянул руку.

— Дай-ка посмотрю.

— Что?

— Твои рисунки.

Я чуть было не замотала головой, но вовремя спохватилась, потому что отказ свел бы на нет все мои старания. Я неохотно достала из рюкзака альбом.

Он начал листать его — мне казалось, это происходило так медленно, что каждая секунда тянулась как целый год. Когда я поняла, что не смогу больше выносить тягостное молчание, Люка наконец остановился на одном из рисунков жирафа.

— Ну вот, этот очень неплох. Хочешь, научу тебя одной штуке?

Его тон был такой серьезный и участливый, что все мои сомнения растаяли и собрались в лужицу у ног (прямо как тренировочные штаны).

— Конечно, — ответила я.

Люка положил свой рюкзак на землю, сел, скрестив ноги, на высокую траву рядом с кустом шалфея и похлопал по земле рядом с собой. Я тоже села и осторожно, дюйм за дюймом, стала двигаться к нему, пока мне не показалось, что сидеть ближе было бы уже слишком.

– Ты ошиблась только в деталях, а это, знаешь ли, не самое легкое в рисунке. – Он указал на те места, которые я пыталась скрупулезно изобразить, но в конце концов бросила.

– Когда смотришь на объект, нужно видеть комбинацию форм, из которых он состоит, – объяснил он, жестикулируя. *Какие у него красивые руки. Длинные пальцы, чистые короткие ногти, кисти не жилистые и не костлявые, а такие... как нужно.*

Он выжидательно посмотрел на меня.

– Понимаешь?

Ой, что именно? Мое смущение было очевидным, поэтому он перевернул страницу альбома, достал из-за уха карандаш и дал его мне.

– Так, посмотри вон на ту сосну. – Он указал рукой на дерево.

– М-м, на самом деле это гималайский кедр, его часто путают с сосной.

Люка заморгал.

– Откуда ты знаешь? – *Черт! Не веди себя как зануда.* Я небрежно пожала плечами.

– Ну, так... Я член общества охраны деревьев. – *Нет нуж-*

ды упоминать, что я также занимаюсь сбором средств для них. Я приготовилась услышать насмешки.

Но он внимательно посмотрел мне в глаза.

– Конечно, само собой. – Сердце у меня заколотилось. *Само собой? Это хорошо или плохо?* Он улыбнулся и слегка покачал головой. *Хорошо.*

Тут он снова показал на гималайский кедр.

– Итак, рассмотри это дерево и нарисуй основные формы, из которых оно состоит.

Я приказала себе не придавать значения тому, что этот карандаш соприкасался с его драгоценной кожей, и покосилась на дерево. Так, ладно. Я принялась за набросок, начав с верхушки, изображая каждую иголку отдельной линией. Законченный рисунок выглядел как шерстяная клякса.

– Хм, давай попробуем так, – он прикрыл своей рукой мою, которая тотчас же вспотела. Делая линию моей рукой, он нарисовал большой треугольник, а под ним прямоугольник.

– Похоже на дерево из мультфильма, – хихикнула я.

Его лицо было так близко, что, когда он вздохнул, я щекой почувствовала тепло его дыхания.

– Мисс Очевидность, вы не могли бы чуть повременить с выводами? – Мне хотелось назвать его «мистером Абстракцией», но я удержалась.

– Чувствуешь, как приятно рисовать эти неопределенные формы? От этого рука делается теплой, верно? – *Да, рука у*

меня действительно сильно потеплела. Не то слово.

Он продолжал водить моей кистью, рисуя более мелкие треугольники в кроне дерева.

– Потом уже сможешь постепенно сосредоточиться на проработке отдельных частей рисунка.

Когда он отпустил мою руку, на странице альбома было нарисовано дерево. Рисунок состоял из отдельных неправильных фигур, но в нем на сто процентов можно было узнать дерево, и это гораздо больше походило на правду, чем то игольчатое чудо, что нарисовала я.

– Круто! – я усмехнулась и посмотрела на Люку снизу вверх. Он усмехнулся в ответ. Меня снова ударило чем-то вроде электрического разряда.

И тут сработал будильник в телефоне.

– Черт, автобус уедет через десять минут!

Мы быстро собрали свои вещи и бросились бежать по тропинке. Чтобы добраться до действующей части зоопарка, пришлось немного подняться в гору. Возле эвкалипта я обернулась и увидела, что Люка с трудом поспевает за мной.

– Погоди... дай передохнуть... секунду.

Я насмешливо взглянула на него.

– Да ведь мы пробежали всего ярдов двадцать¹⁵.

Он, задыхаясь, махнул рукой.

– Понятия не имею, сколько ярдов. Ну ты и спортсменка!

Я засмеялась.

¹⁵ Чуть меньше 20 метров.

– Тогда выходит, что спортсмен – всякий, кто не валится с сердечным приступом, пробежав полминуты трусцой.

Он наконец отдышался, выпрямился и наклонил голову набок, рассматривая меня. Мы оказались ужасно близко друг к другу.

– И что такая спортсменка, как ты, забыла на курсах изобразительного искусства? Я думал, ты на них не ходишь.

Услышав в этом вопросе насмешку, я едва не сказала, что сделала это только из-за него, но вовремя прикусила губу. Вот где надо было сыграть роль, достойную «Оскара».

– Когда на уроке ты увидел мой рисунок, – произнесла я как можно более задумчиво, – я... просто подумала, что всегда рисую вот так, по-детски. – *Ага, интересно, кто делает это не по-детски, за исключением вас, художников?* – И, потом, я всегда хотела научиться рисовать хорошо. – *Бесстыжая, наглая ложь.*

Он смотрел на меня так долго, что я была уверена: мой план провалился и он все понял. Как это было глупо! Но потом что-то в его выражении лица изменилось. Уголки рта медленно приподнялись, и широкая улыбка появилась на его лице.

– Круто. Рад, что ты с нами. Если потребуется помощь еще с чем-нибудь, не стесняйся.

Вам знакомо чувство, когда в пасмурный день вдруг выглядывает солнце и светит прямо в лицо? Вот такой была улыбка Люки. Как будто специально мне в лицо направили

лучи из космического пространства. Пришлось отвернуться, чтобы Люка не увидел, как я покраснела.

– Спасибо. – Когда я почувствовала, что лицо остыло, я снова взглянула на него, такого свободного и раскрепощенного (а как иначе с таким-то телом?). – Что, на углубленный английский больше не ходишь?

– С таким количеством сданных экзаменов я никак не могу заниматься в вашей группе.

Я нахмурила лоб.

– Что же ты раньше ничего не сказал?

Он опять улыбнулся этой своей нагловатой улыбкой.

– Забавно было посмотреть, что вы, ботаны, делаете на уроке.

Почувствовав себя уверенней, я решила попробовать флиртовать и слегка толкнула его бедром. *Господи, хоть бы получилось.* Он с удивлением искоса взглянул на меня. Я улыбнулась.

– Тебе явно не угнаться за ботаном типа меня! Сможешь сам дойти до автобуса или тебя донести?

Он поднял брови и покраснел – не слишком ли я далеко зашла? Может, я обидела его этим? Но он поднял голову и искренне загоготал.

– А ты сможешь? – поинтересовался он, все еще усмехаясь. Я широко улыбнулась и даже не подумала, что в зубах могут быть остатки пищи и что он видит меня под таким углом, под которым мои щеки кажутся полнее.

Только дойдя до автобуса, я сообразила, что не спросила его, нарисовал ли он что-нибудь в заброшенной части зоопарка. Именно в этот момент нас заметили Вайолет и Кассиди.

– Где это вы *двое* были? – спросила Вайолет, пригладив свои волосы. *Деликатна, как всегда!*

Люка мельком взглянул на меня.

– Успокойся, я просто случайно его встретила, – ответила я, проходя мимо нее. Не хотелось бы, чтобы Вайолет знала. Старый зоопарк должен остаться тайным местом, предназначенным только для нас двоих. Ее сердитый взгляд, казалось, прожег дыру у меня в спине, пока я шла по автобусу. Вайолет – типичная стерва в классическом корейском сериале. Но если в нем и есть что-то неизменное, так это то, что хорошая девушка в конце всегда побеждает.

Шаг 7

*В этом парне обязательно
должна быть загадка,
поэтому узнай о нем побольше*

На следующий день Уэс, Фиона и я, набившись в «пенни», поехали домой к Фионе, чтобы готовиться к контрольной по математике. Хотя Уэс и ездит на внедорожнике, который может вместить две семьи сразу, мы всегда предпочитали ездить на «пенни». Наверное, оттого, что испытывали по-настоящему острые ощущения, когда набивались в нее и чуть не подыхали от духоты.

Я сидела на переднем пассажирском сиденье, Уэс – на заднем. Он наклонился вперед, и его лицо оказалось в нескольких дюймах от моего.

– Одобряю твои усилия, Дез, – прошептал он. – Я тоже считаю, что девушка до поступления в колледж должна с кем-то переспать.

– Бог ты мой! – закричали мы с Фионой, и Уэс получил от нас обеих. Фиона дотянулась до него правой рукой и вlepила пощечину.

– Эй, я просто говорю то что есть. – Он откинулся на спинку сиденья. – А ты не боишься, что попадешься? Если он

узнает, что ты используешь его для экспериментов...

– Какого черта, Уэс? Для меня это не эксперимент! – воскликнула я и посмотрела на друзей, особенно внимательно на Фиону, которая вдруг как-то необычно сосредоточилась на управлении машиной. – Фи, разве ты не объяснила ему, почему я это делаю?

– Не-е-ет, то есть... Я не знала, насколько секретно то, что мы обсуждали.

– Это не настолько секретно, чтобы ты не рассказала о плане Уэсу!

Фиона только пожала плечами.

– Так, подождите, – вмешался Уэс. – И зачем тогда ты это делаешь?

Я откинулась на спинку сиденья.

– Что именно делаю? Он мне нравится. – Я помолчала. – Мне кажется, это нечто большее, чем просто влюбленность. Есть что-то в том, как он спокойно и уверенно говорит о рисовании... А вчера он помогал мне в зоопарке и был таким добрым и заботливым...

Уэс фыркнул.

– Да, это же так трудно – покрасоваться перед девушкой!

– Он не красовался! Он действительно хотел помочь. И это было очень приятно. – Я посмотрела на Уэса и Фиону. – Хочу, чтобы он стал моим первым парнем.

Фиона закашлялась.

– Дез, такой скачок от влюбленности... до желания видеть

его «первым парнем»? Может быть, не стоит торопиться?

– О боже, – перебил ее Уэс, – не хочу становиться свидетелем еще одного фливала. Я-то надеялся, что ты просто хочешь по окончании школы лишиться девственности старым добрым способом.

– Как пошло! Я что, по-твоему, бесчувственный робот? – В машине воцарилась минутная тишина. Я шумно выдохнула.

– Да, в этом действительно есть еще кое-что интересное. Так я, возможно, смогу избавиться от фливалов. Зная, что в заглавнике есть план, я остаюсь нормальной Деви. Вчера, например, мне удалось провести с ним некоторое время без всяких «ляпов»! Думаю, мы даже флитовали.

Фиона посмотрела на меня.

– И ты не совершила никаких ошибок?

– Нет. Как я говорила, если у меня есть план – все хорошо. – Я покачала головой, снова мысленно удивляясь тому, как просто было предотвратить мои прежние фливалы.

Уэс ударил коленкой по спинке моего сиденья.

– Ну что ж, просто не позволяй ему узнать о твоём плане. Но помни: в том, что ты делаешь, есть что-то мерзкое.

– Сам ты мерзкий, – фыркнула я.

Фиона засмеялась.

– Рады, что вместо концерта «Феникса»¹⁶ мы будем гото-

¹⁶ *Phoenix* – французская рок-группа из Версаля, исполняющая музыку в стилях инди-поп и альтернативный рок.

виться к контрольной?

– Да, просто счастливы. – Я повернулась и угрожающе занесла кулак над головой Уэса.

Мы подъехали к дому Фионы, который располагается в конце улицы и выглядит так же, как и мой. Фактически наши дома одинаковы: архитектура в Монте-Висте не отличается разнообразием.

– Лита, мы приехали, – крикнула Фиона, когда мы ввалились в дом.

Я втянула в себя воздух. Да, это был тот самый запах. Бабушка Фионы готовила мексиканские тако (свежевыпеченные кукурузные хлебцы с начинкой из свинины) и соус «по-деревенски» из жгучего перца и шоколада. Это блюдо было наградой внучке за хорошую учебу и подавалось на стол с маринованным луком. На самом деле пойти к Фионе заниматься вместо концерта – не такая уж большая жертва.

Из кухни явилась пожилая дама, настоящее воплощение элегантности: шерстяные брюки, шелковая розовая блузка, идеально гладкий узел седых волос на голове и безупречный жемчуг. Такой бабушке, пожалуй, не понадобится старинная кружевная шаль, которую обычно носят женщины в ее возрасте. Лита (сокращенное от Абуэлита) выглядела так, будто руководила глобальной корпорацией, производящей косметику.

Держа одной рукой поднос со стаканами ледяного чая, она подставила Фионе щеку для поцелуя, затем отступила на

шаг, чтобы рассмотреть тропический рисунок на ее шортах и рубашке и оценить вязаный свитер, достающий до пола. Фиона выглядела как героиня из «Золотых девушек»¹⁷. Передав поднос Фионе, Литя с улыбкой повернулась ко мне и Уэсу и подняла тонкие брови.

– Рада вас видеть! Ну что, готовы учиться, пока мозги не закипят? – поинтересовалась она и сделала то, что не позволялось никому на свете – взъерошила волосы Уэсу.

– Да! – покорно ответили мы. – Одно только присутствие Литы заставляло всех держать спину прямо и четко произносить слова.

– Хорошо, так будут готовы через три часа, так что до тех пор трудитесь не покладая рук! – Послав нам воздушный поцелуй, она снова ушла на кухню.

Отодвинув в сторону кучу игрушечных грузовиков и книжек с картинками, мы со стаканами расположились в гостиной Фионы. Домом фактически распоряжались Тедди и Ники, ее младшие братья-близнецы. По счастью, сейчас они находились в гостях, поэтому мы могли спокойно заниматься, не прерываясь, чтобы ответить на очередной вопрос о «Мстителе»¹⁸. Уэс плюхнулся на диван, а Фиона села на полу у его ног, прислонившись спиной к дивану. Я легла на живот, раскрыв перед собой учебник. Несколько минут я смотрела

¹⁷ Американский телесериал о проживающих вместе пожилых женщинах, выходивший в эфир с 1985 по 1992 год.

¹⁸ Вероятно, имеется в виду аниме-сериал, выпущенный в 2003 году.

на какое-то уравнивание, а затем захлопнула книгу.

– Знаешь что, Уэс? Все это пахнет сексизмом. Когда парень совершает поступки, чтобы завоевать девушку, это считается романтичным. Представь, что кто-то забирается тайком к тебе в окно, чтобы посмотреть, как ты спишь, – ну не романтично ли? Но если что-нибудь в таком роде делает девушка, это считается странным. Двойные стандарты!

Уэс засмеялся.

– Ты все о Люке думаешь? Да ты спятила, черт возьми!

Фиона нахмурилась, достала из чая кубик льда и бросила в него.

– Заткнись, Уэс. Если тебе что-то не нравится, зачем ты болтаешься с девчонками, пережиток пещерного века?

Уэс тоже кинул в нее ледяным кубиком, который Фиона ловко отбила.

– Мне нравится быть единственным рационально мыслящим человеком в вашем иррациональном обществе, – парировал он.

Многие удивляются, почему я не встречаюсь с Уэсом. Да, он остроумен, забавен и чертовски очарователен, но я воспринимаю его как надоедливую брату, которого у меня никогда не было. К тому же я наблюдаю его лицо со времен средней школы, поэтому он утратил для меня всякую привлекательность. Щелкнув Уэса одной рукой, другой Фиона стала что-то искать в своем айпаде.

– Эй, пока не начали заниматься, давайте еще повеселим-

ся. – Она улыбнулась и повернула айпад экраном к нам.

На нем была увеличенная фотография Люки. Я бросилась к Фионе, пытаясь отнять у нее гаджет, но она спрятала его за спину.

– Не-а. Давайте проследим за ним. Разве у тебя в плане этого нет?

Хм. Я вытащила тетрадь, в которой был список шагов. Сейчас я находилась на шаге 7: *узнать о нем побольше*.

– Я собиралась заняться этим в свободное время... – начала я, но осеклась. *Действительно, почему не сейчас?* – Но потом будем готовиться, договорились? – строго предупредила я.

Фиона закатила глаза.

– Ладно, мамочка. Сначала давайте посмотрим, не удастся ли накопать грязи на твоего парня. Убедимся хотя бы, что он стоит этого безумия.

– О, да о нем много чего есть в Интернете, – протянул Уэс, когда Фиона стала пролистывать результаты поиска в «Гугле».

– Официальная страница поклонников Люки Дракоса? Это что за новости?! Кликни сюда!

– Не может быть, чтобы это был твой Люка, – сказала Фиона, переходя по ссылке.

Мы зашли на веб-сайт с красивыми и вместе с тем страшными рисунками. Пугающие создания тянули за собой темные фигуры, вплетенные во выющиеся стебли диковинных

растений. Тщательно выведенные лица эльфов, покрытые слоями молочно-белой краски, были усеяны крошечными насекомыми. Все это показалось мне невероятно похожим по стилю на рисунок, который он сделал во время урока английского.

– Кажется, это его работы, – пробормотала я.

Разглядывая одну сюрреалистическую картину за другой, мы не могли сказать ни слова. Неужели это все его и он *на- столько* талантлив? И какого черта он делает в нашей школе, если его место в какой-нибудь специальной школе для гениев-мутантов?

Фиона присвистнула.

– Подруга, да ты выбрала себе неплохую цель!

– Нет, она выбрала себе *труднодостижимую* цель. Дез, покончи с этим, пока не дошло до очередного унижения, – сказал Уэс, устраиваясь на диване.

– Это звучит грубо. – Я взяла айпад Фионы и на странице поклонников Люки кликнула «биографию».

«Люка Дракос, родился 16 августа 1999 года в городе Санта-Барбара, Калифорния. С ранних лет любит изобразительное искусство, и, по словам мамы, первое произнесенное им слово было “импрессионизм”».

Мы засмеялись.

Я продолжила читать:

«Рос в Охае, духовном анклав Южной Калифорнии, с ранних лет занимался живописью и рисованием, с каждым

годом все больше выделяясь своими творческими способностями...»

– И конечно же, все его любили, – вставила Фиона.

Я шикнула на нее.

– «Ко времени перехода в старшую школу в Санта-Барбаре Люка уже был известен не только новаторскими неосюрреалистическими работами, но и своей репутацией нарушителя общественного порядка».

Фиона схватила у меня айпад и продолжила читать.

«Он стал лауреатом многочисленных премий, среди них – “Национальная” для юных художников и “Восходящая звезда”. Прославившая его страница на платформе Tumblr имеет более миллиона подписчиков».

– Что?! – Услышав это, Уэс выпрямился. – То есть... он знаменит на «Тамблере»?!

Я подняла свой список и указала на шаг 3.

– Итак, очевидно, что он самый неприступный парень в мире, ведь он знаменит.

Сердце учащенно забилося, потому что, даже имея план, я только сейчас осознала всю сложность стоявшей передо мной задачи.

Я в отчаянии посмотрела на друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.